

Эпичный финал
фэнтезийной
дилогии о древней
Атлантиде

КАТЕРИНА
РИШ

10 000 ЛЕТ
ДО НАШЕЙ ЭРЫ

КНИГА ВТОРАЯ

16+

История Атлантиды

Катерина Риш

10000 лет до нашей эры. Книга 2

«Автор»

2018

Риш К.

10000 лет до нашей эры. Книга 2 / К. Риш — «Автор»,
2018 — (История Атлантиды)

Земли Нуатла охвачены войной, люди жаждут отомстить Львам Пустыни за убийства Сыновей Бога. Лишь Майя, угодившая из современности на десять тысяч лет назад, знает, что война за Нуатл бессмысленна. Скольких она сумеет спасти до того, как однажды эти земли окажутся во власти океана? Предатель и братоубийца правит Нуатлом и все его силы брошены на то, чтобы отыскать сбежавшего брата. В мире, где прежние законы не действуют, Анкхарат заключит союз с теми, кого презирал всю свою жизнь. Он обещал Майе, что вернется к ней, но сумеет ли сдержать свое слово?

© Риш К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Не тут-то было	8
Глава 2. Стихия воды	18
Глава 3. Последний из Пещерных медведей	28
Глава 4. Орла не видали?	31
Глава 5. Адан говорит	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Катерина Риш

10000 лет до нашей эры. Книга 2

Пролог

Анкхарат не сопротивлялся течению: плыть он все равно не мог. Он часто проваливался в липкую тьму, пропахшую кровью, пока река несла его за пределы Сердца Мира. Чтобы не захлебнуться, в беспамятности скользнув под воду, он с трудом выполз на берег и привязал себя плетями плюща к подходящему бревну.

Сил хватило только на это.

Орла он отправил в Речные земли накануне Церемонии. Анкхарат надеялся, что птице удалось избежать смерти, вряд ли остальные орлы Сыновей Бога пережили своих хозяев.

Полноводная река мчала его по землям Аталаса, подбрасывая изломанное тело на порогах. Не было никакой возможности противостоять этой пытке. Сердце Мира оставалось все дальше.

Благодаря Аталасу, река стала его единственным спасением.

Анкхарат не слышал посторонних звуков : грохот падающей воды заглушал все. Он мог кричать от боли, не опасаясь разоблачения. Узкое русло лавировало меж высоких мокрых скал, в которые врезалось бревно. От ствола отлетали щепки, и Анкхарат благодарил Богов за то, что удары приходились не на его тело.

Он не должен был спать. И нельзя было покидать воду. А единственной его пищей была древесная кора.

Ну, хотя бы воды хватало.

Конечно, он все равно засыпал. Однажды он с головой ушел под воду, пока спал. Ему приснилось, что он снова там, в зале Храма, на Церемонии, а Асгейрр сжал руки вокруг шеи.

Стоило Анкхарату закрыть глаза, он снова и снова видел расправу над братьями. Слышал, как рыдал Саймир, когда было уже слишком поздно для раскаяния, и как его успокаивал Аталас.

Тем утром ему поначалу показалось, что он оглох. Такой внезапной оказалась тишина. Река вырвалась за пределы Долины Аталаса и достигла равнин Саймира. Вдоль берега стеной возвышались леса, дававшие древесину всему Нуатлу. Хозяин этих земель был молод и глуп. Саймир поверил брату-предателю, но оказался не готов к тому, что убивать придется самостоятельно.

Анкхарат позволил реке нести себя до глубокой ночи и только потом, когда на воду опустился ночной туман, взял к берегу.

Как только река обмелела, Анкхарат разорвал зубами задубевшие лианы. Воды было по колено. Он отпустил побитое бревно, и течение понесло его прочь. Нельзя было оставлять его здесь. На древесине была его кровь и даже следы зубов.

Он не прошел и двух шагов. Рухнул в воду и выбрался на берег ползком, дрожа от холода. Если Львы нагоняли его, то сейчас смогли бы найти по одному только перестуку зубов. Кажется, это был самый громкий звук в тонушем в тумане лесу.

Какое-то время он лежал, все еще наполовину оставаясь в воде. Вода казалась теплее, чем ночной воздух. Он успел сродниться с водой, стать частью стихии. Земля под ним ходила ходуном. Лежа на сыром песке и утонув в белесом тумане, Анкхарат грезил наяву жаром разведенного костра. Даже воображаемое пламя согревало.

Болело все. Он подтянулся на руках и увидел, что кожа предплечий на обеих руках содрана до мяса из-за постоянного трения о бугристую кору бревна. Только шрам ближе к локтю все еще оставался заметен.

Айя будет довольна, если увидит. Когда раны на предплечьях заживут, никаких шрамов от предыдущих трех избранниц не останется.

Анкхарат пополз вперед, помогая себе локтями.

Если он хочет жить, то должен идти безоружным и не разжигая огня в сторону заката через эти дикие леса. Какая-нибудь дубина, возможно, поможет против голодного хищника, но не против целой стаи. А если его настигнут преследователи, ему ничего не поможет.

Речные земли должны быть за этими лесами. Если только река не вышвырнула его в один из боковых притоков, которые мелели на лугах Альсафа.

Анкхарат хотел верить, что это не так.

Но он мог ошибаться, и это, увы, тоже следовало учитывать. Если на сумрачном небе утром появится солнце, то Анкхарат сможет сориентироваться лучше. А пока ему нужно найти убежище, съесть хоть что-нибудь и поспать на твердой земле.

Шатаясь, он двинулся вперед.

Лес дал ему пропитание, пусть и скудное в преддверии зимы. Анкхарат ел на ходу – опять кору, кислые ягоды с облетевших кустов, искал грибы среди вороха пожухлых листьев. Этого было мало.

Охотиться он не мог. Он вооружился палкой, но сил едва хватило, чтобы удержать ее в руках. О том, чтобы нанести удар, не могло быть и речи.

Он сильно мерз, – и днем и ночью. Слабеющее солнце не прогревало землю, только воздух. Сырые ветра, казалось, навсегда заблудились в этом лесу и бесцельно плутали между деревьями, как и сам Анкхарат. Кругом был только однообразный серо-черный лес и рваные обрывки неба над головой.

Иногда ему казалось, что его странствие никогда не кончится.

Тогда он касался указательным пальцем белого шрама на правом предплечье под самым локтем и вспоминал ее голос и улыбку. Ее руки на своем теле, когда она впервые помогла ему раздеться.

Он грыз кору, заедая ее красными, как пролитая кровь, ягодами. И шел вперед.

Он пережил Церемонию. Анкхарат убеждал себя, что в сравнении с этим путешествие – всего лишь безобидная прогулка по лесу.

Звери опасались человека, и обычно, достаточно было замахнуться дубиной, чтобы они ушли восвояси.

Он довольствовался лишь кратким сном на закате. Если за ним и была погоня, то, скорее всего, на закате эти люди тоже устраивали привал, а в путь выходили на рассвете. Ночью им пришлось бы зажигать факелы, а это делало их слишком заметными. Днем же среди ровных голых стволов из него выходила отличная мишень.

Он спал, закапываясь в сухие листья.

Однажды Анкхарат попробовал взобраться на дерево. Он повис и попытался подтянуться, но во внутренностях словно вспыхнул пожар. Каждый вдох еще долго отдавался болью.

Дальше он шел, согнувшись пополам, а когда коснулся живота – обнаружил, что одежда стала мокрой от крови. Он не помнил, когда заполучил эту рану на животе: на церемонии или пока плыл. Возможно, на теле были и другие, затянувшиеся и не очень. Он не знал. Только брел вперед, надеясь, что там, куда он идет, ему помогут.

За следующий день Анкхарат преодолел лишь половину намеченного пути. Он едва передвигал ноги. Он снял тунику и разорвал ее на полосы, обвязав вокруг талии, но ткань скоро пропиталась кровью.

Он упал наземь гораздо раньше, чем наступил закат. Он обещал себе, что вот-вот поднимется. И обязательно продолжит путь.

Ночью он так и не поднялся.

Глава 1. Не тут-то было

Эйдер Олар вел меня по темному прибрежному песку. Я то и дело оборачивалась, глядя на охваченное огнем небо. Оранжевые цвета тревоги окрашивали океан.

Анкхарат должен быть где-то там, среди огня, смерти и разрушений.

Должен быть. Он жив. Я буду верить.

Прекрасное далёко, не будь к нему жестоко! Обрушь свою жестокость на меня, я заслужила. Не сдержалась, когда увидела, как он уходит от меня. Опять не сдержалась. Я неисправима! Легче всего мне удается обрушивать проклятия на головы людей, которых я люблю.

Эйдер Олар свернул вглубь острова, и я следом. Темно-рыжие волосы мага, похожие на языки пламени, трепал ветер. Я подумала о Зурии и Швинне. Лучше добавлю их имена к молитве к прекрасному далёку. Им сейчас тоже нелегко.

Подмывало, конечно, спросить Эйдера о Зурии и его чувствах к ней. Она, как-никак, считалась его женой, жрецы могли вступать в брак только со жрецами, и сейчас была там, в Речных землях. Сам Эйдер пока о ней не спрашивал.

Вообще, представить тощего узколицего Эйдера рядом с полненькой, энергичной Зурией удавалось с трудом. Ростом она была ниже среднего; должно быть, доходила ему до плеча. Бойкая Зурия могла достать что угодно и в какие угодно сроки. Нужна просторная клетка для тигра – легко! Никогда не задавала лишних вопросов, а ее покорность и терпимость ко всему не знали истощения. А ведь я не была обычной избранницей, какие ей, должно быть, доставались до меня...

Я споткнулась от неожиданности.

– Эйдер...

Жрец остановился, а я впилась в него взглядом, чтобы не пропустить ни малейшей эмоции.

– Избранницы Анкхарата! Они здесь?!

Маг коротко кивнул. А где еще могут быть избранницы Сыновей Бога, – как бы говорил взгляд его бледно-голубых, почти прозрачных глаз, – если не здесь, на острове бывших жен?

Три. Здесь три бывших избранницы Анкхарата. И они... о Боги!

Они здесь с его детьми!

Боги знают, я ревновала его к бывшим еще до того, как у нас завязались отношения. А уж как я ревновала его после, когда старалась выделиться среди прочих! Тогда я думала: «Выкусите, бывшие подружки Анкхарата: теперь-то он мой!».

Черт! Я не готова встречаться ни с кем из них!

– Что не так? – спросил маг.

Эйдер смотрел на меня сверху вниз, ветер трепал полы его красного видавшего виды халата без рукавов. Выглядел он озадаченным.

Я не знала, как объяснить.

– Что ты чувствуешь к Зурии?

Он нахмурился.

– Она моя названная сестра. Мы дали жизни детям, которые будут служить Огненному Богу после нас.

Мужчина, которому она была отдана, совершенно точно не любил ее. Договорные браки – это не про чувства. Бедная Зурия! На ум пришла серия средневековых романов о любви, в которых дворяне искренне удивлялись тому, что юная героиня без ума от собственного мужа. Но в Средние века хоть знали, что такое любовь, а здесь...

«Сосватав» меня на арене Анкхарату, Эйдер вряд ли думал: «О Боги, они могут стать такой отличной парой!» Черта с два! Для него я была как папка с грифом «Неопрровержимые

доказательства предательства Асгейрра» и только поэтому должна была попасть в руки хозяйина.

А тут я, со своей любовью...

– Я отношусь к Анкхарату иначе, чем ты к Зурии. Совсем-совсем иначе. Понимаешь, мне никто не нужен, кроме него. Я хочу быть с ним. Мне очень больно оттого, что я не знаю, где он и что с ним. Скажи, этим чувствам есть название в твоём языке?

– Тоска.

Проклятье! До чего однообразными были бы кроссворды, если бы они существовали в Нуатле.

– Нет. Давай я объясню иначе. У меня были...

Черт! «Друзей» в их языке тоже нет. «Враги», значит, есть, а «друзей» – нет.

– Когда-то я была избранницей одного мужчины. Но потом... он выбрал другую. Я была очень зла из-за этого.

– Почему? – удивился Эйдер. – Если он не был Сыном Бога, то мог иметь двух избранниц. Я представила нас вместе – Питер, Хлоя и я.

– Нет, – отрезала я, – в моих землях мужчина выбирает одну женщину и только по её согласию. И они обычно живут вместе и растят детей тоже вместе. Хотя бывают исключения...

У Анкхарата было такое же лицо, когда он впервые услышал о моногамии. Этим-то я его и убедила, что точно не местная. Это же надо такое выдумать, чтобы мужчина жил всю жизнь с одной женщиной.

Нескоро человечество придет к моногамии, ой, нескоро.

Эйдер Олар сопоставил мои слова и спросил:

– Но ведь ты сказала, что твой избранник выбрал другую? Как же он сделал это, если должен был прожить с тобой всю жизнь?

Один ноль в пользу Эйдера Олара.

– Это сложно объяснить. Но после того, как он сделал это, я... Возненавидела его новую избранницу. И его заодно. Этим чувствам есть название?

Я знала, что нет, но вдруг Эйдер Олар изобретет такое слово?

– Ненависть. Ты сама сказала.

«Враги» и «ненависть», значит, есть, а «любви» и «друзей» нет! Тенденция, однако.

– Ладно, пусть будет ненависть. Так вот, я ненавижу прошлых избранниц Анкхарата.

– Не понимаю, за что, – честно ответил маг.

Ревность вообще не поддается логике, тут-то как раз все логично.

– Просто поверь на слово. Прошу тебя, для меня это очень важно, можешь сделать так, чтобы я... ну, никогда не узнала, кто они? Даже если встречу их на острове, даже если однажды буду пытаться тебя, никогда-никогда не называй имен этих трех женщин.

– Двух.

– Что?

– Третья избранница Анкхарата умерла в родах.

– О Боги...

– Она носила сына. Остальные родили девочек. И они здесь, на острове. И...

– Больше ни слова, Эйдер! – я зажала уши руками.

Он пожал плечами.

– Как скажешь. Можем идти? Тебя ждет Таша.

Я чуть не спросила: «А она не одна из них?», но вовремя заткнулась. Эйдер ответит как есть. И что я буду делать, если она из «них»?

Вокруг сгущались сумерки, а ветер усиливался. Я поежилась; на мне было тонкое платье, которое Анкхарат помог мне надеть. Я помню. Утром мы тоже не воспользовались услугами рабов.

Вдох-выдох.

– Идем.

Я знаю себя. Я буду подозревать каждую женщину на острове. Любую стану представлять рядом с Анкхаратом и тем изводить себя. В детях буду искать сходство.

Слышишь, ревность? Тебе не место в Нуатле! Тебя здесь еще даже не изобрели.

Ага, рассказывай, – огрызнулась самая настоящая ревность. – Здесь я, с тобой.

Мы покинули берег и устремились вглубь острова по вытоптанной тропинке. Присмотревшись, я поняла, что заросли вокруг были рукотворными: тонкие лозы тянулись по плетеным перголам, установленным в ряд. С растений свисали стручки, формой напоминавшие фасоль, только были они белыми и пушистыми, как вывернутая наизнанку коробочка хлопка.

– Кто такая Таша? – на ходу спросила я.

– Она правит островом.

– Я должна рассказать ей о том, что ждет Нуатл? Мы поэтому идем к ней?

– Ты расскажешь... если она станет слушать.

В его голосе было слишком много опасения. Значит, меня могут и не выслушать?

– Ну ладно, даже если она не станет слушать – так и что? Мы вернемся в Речные земли. Там солдаты Анкхарата, мы можем рассчитывать на них.

Эйдер шел вперед, я едва поспевала за ним.

– Нам понадобится помощь, – продолжала я. – Люди должны покинуть Нуатл. Ты просил Богов о помощи, и они послали меня. Мне немного известно, по правде говоря. Им лучше было отправить тебе на помощь кого-то другого. Другие знали больше, чем я. Но раз уж я тут... То послушай, Эйдер... Да остановись же!

Он остановился, но не обернулся.

– Разве ты не понимаешь, что предлагаешь? – его голос звучал глухо.

– Жизнь. Спасение. Разве нет?

– Если мы покинем Нуатл, то куда уйдем?

На материк, – чуть не ответила я, – в Европу! А потом поняла.

Это были земли людей из племени краста. Проклятые Богами земли, как с детства внушалось каждому.

Переселение само по себе было мыслью дикой, чуждой этому веку. Люди жили и умирали на клочке доступной им земли, а я собиралась уговорить их все бросить и уйти. И даже если они согласятся и в них пробудится дух первооткрывателей, если они, наконец, поверят моим словам о грядущей катастрофе, то уйти они могут только в земли проклятого народа, вырожденцев и неудачного Божественного эксперимента, как утверждали легенды.

А неандертальцы? Разве они так просто отдадут нам земли? После всех костров, смертей и унижений, что нужно сделать, чтобы отказаться от взаимной, я уверена, ненависти?

Вот он, новый виток в планомерном уничтожении неандертальцев. Они жили во льдах и холоде, строение их тела позволяло им не испытывать холод так остро, как нам, кроманьонцам. Но Ледниковый период подходил к концу, и это вело к затоплению такой развитой цивилизации, как Нуатл. И полному уничтожению второй человеческой расы. Люди Нуатла просто сметут неандертальцев со своего пути. Цивилизация Тигра до сих пор хранила огонь в деревянных клетках, условия их жизни не располагали к накоплению умений, знаний и развитию таланта.

– Ни один мужчина не покинет эти земли без боя и не отдаст их Львам, – заговорил Эйдер. Он смотрел на стручки так внимательно, словно именно от них зависела наша жизнь. – И перебороть ненависть к проклятым землям краста будет очень непросто.

– Должен быть кто-то, кто поведет людей. Кому они поверят.

– Мы пока не знаем, кто из Сыновей Бога выжил. Огонь не видит никого, кроме Асгейрра, разумеется.

Вдох-выдох... Если я узнаю, что Анкхарат погиб во время Церемонии, захочу ли я спасти мир, в котором его больше нет?

О, если бы я только знала, как отменить брошенные в спину проклятия...

– Берегись! – вдруг крикнул Эйдер и отгеснил меня с тропы к первому ряду пушистых насаждений. – Не касайся их, – предупредил он, указав на гроздь стручков.

Я обещала держаться от них подальше.

На тропе появились женщины. Они бежали быстро, но старались двигаться аккуратно – на сцепленных руках они несли девушку. Следом за ними появились еще несколько женщин с доверху заполненными мохнатыми стручками корзинами. Они не удостоили нас даже взглядом.

Внешний вид женщин удручал – пыльные туники из плохо обработанной кожи и длинные бесформенные юбки до пят. Руки были по локоть обмотаны кожаными лентами, а пальцы сплошь в царапинах.

Ни одна из них не произнесла ни слова, Эйдер демонстративно глядел в другую сторону.

Когда они удалились, мы пошли дальше. Тропинка не была прямой, она извивалась и постоянно сворачивала с прямого курса, хотя никаких препятствий на пути не наблюдалось – ни деревьев, ни камней. Только засеянные мохнатыми стручками поля. Похоже, островитяне недолюбливали прямые линии.

– Эти женщины – рабыни? – спросила я.

Иных вариантов не было, особенно с учетом того, что Эйдер так старательно отводил глаза в сторону.

– В каком-то смысле да.

– А что за растение они собирают?

– Скоро узнаешь, – с тяжелым вздохом ответил маг.

Мне не понравилось, как он это сказал.

– Почему?

– Таковы традиции.

Если в дело вмешиваются «традиции» – ничего хорошего не жди, это я давно уяснила.

Вихляющая тропа вывела нас на небольшую поляну, на которой возвышалась круглая, без единого угла, хижина. Стены ее были сплетены из лоз и ветвей, и походила она скорее на временный шалаш, чем на постоянное жилище. Вместо дверей только округлый проем, окон нет вообще, да они и не нужны, дневного света там внутри, должно быть, хватает. Ветки не уложены близко друг другу.

На пороге дома стояла женщина.

Тину Тёрнер я уже повстречала. А теперь, в сумерках, при свете факела, на острове брошенных жен я встретила самую настоящую Одри Хепберн за двенадцать тысяч лет до ее настоящего рождения.

– Это Таша, – сказал маг, отступая назад.

Ни у одной женщины Нуатла до этого я не видела короткой стрижки. Волосы Таши были насыщенно-черными, неаккуратно подстриженными (ну знаете, парикмахерское искусство в первобытные времена оставляет желать лучшего, как и орудия для стрижки!) Не исключено, что Таша равняла волосы каменными ножами, и, весьма вероятно, сама.

Стрижка «под мальчика» подчеркивала ее невероятно тонкую шею. Сама она была изящная и хрупкая, как фарфоровая кукла. И чем дольше я смотрела на Ташу, тем сильнее становилась моя ревность. Пока не сообразила, что Таша, должно быть, даже моложе меня – на вид ей было около двадцати, а то и меньше.

Если она и была избранницей Анкхарата, то в ту пору ей было преступно мало лет. В моем мире, конечно.

Я попыталась вспомнить, были ли на марафоне невест настолько молодые девушки. Но в моей памяти царствовала только трижды благословленная с ее голой грудью, так что вопрос остался невыясненным.

Могла ли эта хрупкая, худая – даже не стройная, а именно худая – женщина родить ребенка приблизительно три-четыре года назад по-нуатлийскому летоисчислению?

Мне хотелось верить, что нет. Хотя бы потому, что это значило бы, что ее не было в постели Анкхарата.

На Таше была узкая кожаная юбка с разрезами, а из-под нее, к моему удивлению, виднелись обтягивающие штаны из тонкой кожи. Сшиты они были крупными стежками, как и юбка, и, в целом, ее наряд напоминал облачения семейки Флинстоун. Сверху был лиф, расшитый бусинами и раковинами, но живот оставался обнаженным. Ровный плоский живот, при взгляде на который хотелось рыдать от зависти.

– Что же ей известно о землях Нуатла? – спросила она. – Ты получил ответы на свои вопросы?

Суровый и строгий, как у учительницы, голос не предвещал ничего хорошего. Как и то, что Таша смотрела сквозь меня. Откуда такая нетерпимость к незнакомым людям?

Эйдер ответил уклончиво:

– Ты должна выслушать ее. Возможно, тогда ты согласишься пойти наперекор традициям.

Остальных девятерых избранниц, которые прибыли на остров вместе со мной, жрицы увели вдоль берега к деревьям, за которыми виднелись соломенные крыши домов. Только меня Эйдер Олар, оставив Эйкинэ в компании черного великана, повел совсем другой дорогой.

Значит, встречей с Ташей я обязана только одному обстоятельству.

– Она «пустое зерно», Эйдер, – сказала Таша.

Вот и разгадка.

«Пустой кувшин», кажется, так меня обозвал тот Высший жрец на пристани. Теперь «зерно». Сдались им эти сравнения. Дела мои плохи. Эйдер не собирался или просто не мог противостоять Таше, так что надо брать свою судьбу в собственные руки.

– Мне известно многое, – заговорила я спешно: – и от моих знаний зависят жизни людей Нуатла. Но прежде всего мы должны связаться с Речными землями. Мой избранник, второй Сын Бога, знал о предательстве Асгейрра. В Речных землях Анкхарат собрал армию. Его солдаты могут помочь нам, если Львы...

Таша остановила на мне полный ледяного презрения взгляд. Я смешалась и замолчала.

– Женщины Острова никогда не буду помогать Сыновьям Бога, – отрезала она.

Рада, конечно, что вы больше не согласны с ролью жертв, но сейчас не самое подходящее для этого время.

– Ты больше не избранница Сына Бога и не можешь приказывать кому-либо, – продолжала она. – И не носишь под сердцем ребенка, а значит, Мать не удостоила тебя благословением. Ты должна вымолить у Нее прощение.

Подождите-ка...

Я оглянулась на Эйдера, но жрец стоял, поджав и без того узкие губы.

Эй, я собиралась спасти Нуатл! Думала, моих слов будет достаточно, чтобы прослыть Пифией, Кассандрой, оракулом, провидицей, да кем угодно! А по итогу?... Служить Матери, вымалывать благословение – это, вообще, что значит?

Из дома показалась сморщенная старуха, увешанная ожерельями из мелких, видимо, птичьих косточек. Таша оглянулась на нее. Та покачала головой и снова исчезла в проеме.

Когда Таша снова повернулась к нам, ее голосом можно было резать камни. Обращалась она, конечно же, только к Эйдеру.

– Не смей больше приводить ее ко мне. Я никогда не пойду против традиций Солнечного острова. Уведи ее туда, где ей самое место.

Эйдер кивнул.

Черт возьми, огненный маг, так нельзя! Мы так не договаривались, Мироздание! Я закусила губу, когда проклятия уже готовы были сорваться с моих уст. Хватит с тебя проклятий, Майя, хватит. Криками, проклятиями и ругательствами такую, как Таша, не сломить. А огненный жрец – моя единственная надежда. Не стоит забывать об этом.

Кажется, настал черед испробовать нечто иное, кроме моего обычного девиза: «Сопротивление и отвага!»

Эйдер Олар посмотрел на меня и кивнул, уходим, мол. Кажется, он тоже удивился моей сдержанности. Таша уже вернулась в хижину, оттуда доносилось тихое пение и перестук костей. Интересно, кем была эта женщина и кем приходилась Таше?

Эйдер не направлялся обратно к берегу океана. Свернул на другую тропинку, виляющую среди мохнатых насаждений. Пора узнать, где мне самое место, по мнению Таши. Поля закончились, и мы вышли на еще одну поляну. На приличном расстоянии друг от друга стояли такие же плетеные хижины, только были они раза в два меньше и ниже, чем Ташина. Если бы я не увидела дом Таши раньше, ни за что бы не признала в этих перевернутых корзинах дома.

Те самые встреченные нами по пути сборщицы стручков в грязной одежде складывали вязанки хвороста в центре поляны. На одинаковом расстоянии от домов для лилипутов было возведено кострище. Там лежала обнаженная женщина, должно быть, та самая, которую они тащили на руках: похоже, спасти ее не удалось.

Заметив Эйдера Олара, женщины опустили глаза долу.

Самая старшая, очевидно, главная среди них, указала на неразожженный костер и обратилась к жрецу:

– Это будет честь для нас. И для нашей погибшей сестры.

На негнущихся ногах я последовала за Эйдером Оларом. Женщина лежала, подтянув колени к подбородку. На голом теле не было никаких видимых ран или повреждений, почему же она умерла?

Женщины держались вместе, с противоположной от нас с Эйдером стороны. На всех была одинаковая безобразная одежда, а руки обмотаны кожаными лентами.

Эйдер обратился к огню за помощью. Стихия ответила тут же.

Старшая обошла пламя и протянула мне грязную робу.

– Надень это и служи Матери, – сказала она.

Я отшатнулась от одежды. Оглянулась на огненного мага.

– Ты будешь жить здесь, – сказал он. – Таковы традиции.

Эйдер не был согласен с этим, я видела это по сжатым в тонкую линию губам, по суровому взгляду исподлобья, но он только добавил тише:

– Главное – не дотрагивайся до стручков, Айя.

Я приняла из рук Старшей одежду мертвой девушки.

* * *

Смирение и труд. С этих слов начиналось мое утро.

За час до рассвета Безмолвные сестры собирались в центре у разоженного костра и пели тягучую, как мёд, песню, приветствуя рождение солнца.

Почти всегда я была в одиночестве, хотя и не одна. Нас было два десятка таких женщин, «пустых» кувшинов, семян, зовите как угодно. Мы не заслужили благословения Богини Матери и не имели права касаться детей, которыми она наградила более удачливых, чем мы. А наши хижины располагались на другой стороне острова, подальше от детского смеха, в тишине, прерываемой лишь молитвами и плачем. Считалось, если у женщины нет детей, то и радоваться ей нечему.

Мне не в чем было себя винить. Я сознательно делала то, что делала, но моя уверенность в том, что рожать было необязательно, проходила теперь серьезную проверку на прочность.

Я сильно уставала. Первое время буквально валилась с ног и мгновенно засыпала в своем шалаше для лилипутов на сухих листьях и траве, брошенных на голую землю. Такой теперь была моя постель.

Да, условия здесь сильно отличались от того, к чему я успела привыкнуть в Нуатле. Для меня было само собой разумеющимся, что в доме стояла кровать с меховым постельным бельем и матрасом-тюфяком. На острове ничего этого не было.

Даже округлые дома, сплетенные из лозы, были полной противоположностью угловатым домам-пирамидам Нуатла. Сужающиеся кверху пирамиды олицетворяли пламя огня, а грубостью формы и материала – мужское начало.

Женщина же была существом округлым, нежным и мягким. Острые углы были символом мужества, поэтому ни домов-пирамид, ни прямых дорог на острове было не найти. Издали дома напоминали черепахи панцири – каждый разного размера, в зависимости от количества проживающих. Женщины строили их собственными руками. А тропинки, которые они прокладывали, извивались, как змеи.

Эти различия наводили на определенные мысли, и далеко не радужные. Остров находился буквально через пролив от Нуатла, но по развитию отставал на целое столетие. В каких условиях жили племена Тигра вдали от берегов Нуатла, оставалось только догадываться.

Женщины на острове были поделены на касты. Самое тяжелое положение было у бездетных. Самое привилегированное – у родивших нескольких детей. Такие женщины не раз побывали на Ритуале Матери и после оказались в постелях Сыновей Бога.

(Не думать, в чьих именно постелях. Не думать!)

Кроме бывших избранниц, на острове жили и обычные беременные женщины. Раньше остров был своего рода самым престижным роддомом с наиболее опытными акушерками, где женщина могла восстановиться, прежде чем вернуться в Нуатл. Но после того, как в Нуатл нагрянули Львы, к острову стали причаливать долбленки с беглянками и их детьми: они надеялись не только разрешиться от бремени, но и обрести здесь защиту.

Однако защитников на острове не было.

Когда Анкхарат говорил, что на острове есть мужчины, как и в Сердце Мира есть другие женщины, в объятиях которых можно познать удовольствие, он явно не знал, что представляют собой эти мужчины. Из них не вышло бы сколотить отряд в духе трехсот спартанцев. Будь эти мужчины действительно уроженцами прославленной Спарты, то именно их первым делом и сбросили бы с обрыва.

Особняком на острове жили хрупкие болезненные мальчики, разного возраста, которые были не нужны своему племени в Нуатле. Кто-то родился с увечьями, кто-то получил их позже. Иногда вместе со слабым ребенком на остров ссылали и его мать. Ей вменялось в обязанность молить Богиню дать ей силы, чтобы родить еще одного, уже здорового ребенка.

Здесь жили пожилые люди обоих полов, чудом дожившие до такого почтенного возраста в первобытных условиях. На острове им была уготована роль нянек. В Нуатле, где считались только со здоровыми и молодыми, никто не церемонился с теми, кто не мог приносить пользу племени.

В самом отдаленном уголке острова узкой группкой жили истощенные и измученные люди, сломленные психологически и морально – изгнанные рабы. Они по-прежнему боялись каждой тени и даже когда узнали, что Нуатл пал, в любой лодке с беженцами им мерещились хозяева, прибывшие, чтобы покарать их.

Единственными, кто мог дать хоть какой-то отпор нападавшим, были изгнанные из Храма жрецы Бога Огня и, конечно, Шейззакс.

Черный великан вообще оказался самым внушительным мужчиной на острове. И стало понятно, почему бывшая жрица Эйкинэ шипела на каждую, кто осмеливался задержать взгляд на ее мужчине дольше обычного.

О, да! Как и я, эта женщина хорошо понимала, что такое ревность!

Шейззакс прибыл на остров по приказу Анкхарата. Сын Бога приказал ему это в самый последний миг, в ночь накануне гонок, хотя изначально они договаривались о том, что беглый раб из бойцовских ям встанет на сторону Анкхарата в ночь Церемонии. Но, как оказалось, Асгейрр тоже приходил к Шейззаксу и именно поэтому Анкхарат изменил свои планы. Асгейрр приказал Шейззаксу убить меня в то время, пока Анкхарат будет коротать дни внутри Храма. Асгейрр никак не ожидал, что Анкхарат отошлет меня от себя.

Сам Анкхарат или нашел себе новых союзников, или остался вообще без них. Пока никто не знал правды.

А Шейззаксу отныне было поручено охранять меня.

От чего защищать меня на острове, Шейззакс не знал. К тому же, по правилам ему было запрещено навещать меня. Делать это мог только Эйдер Олар, как жрец Огненного Бога.

Эйдер Олар каждый день говорил с Ташей. Она запретила приводить меня, но не могла запретить приходиться ему.

Таша по-прежнему не собиралась покидать остров. Она считала, что нет идеи глупее, чем убежать с острова накануне зимы, без продовольствия и в гущу войны. И ради чего? Наутил был землей Сыновей Бога, а их она ненавидела всем своим сердцем. Таковую чистую ненависть еще стоило поискать, наверное, даже Асгейрр ненавидел людей из племени краста меньше, чем Таша ненавидела Десятерых Сыновей Бога.

Тот факт, что почти все они могли быть мертвы к этому часу, для нее ничего не значил.

Я больше не ревновала к Таше. У нее были темные волосы, верно? А значит, она никак не могла быть одной из избранниц Сыновей Бога. Ведь на марафон невест брали только блондинок.

В первое нашествие на Нуатл Львы так и не добрались до острова и до Закатных гор. Возможно, Таша надеялась, что события повторятся. Остров не обладал богатствами. Львам нечего было искать здесь.

Еще на острове жили женщины из Домов Наслаждений. Это были больные, измученные постоянными родами или выкидышами бледные тени, опасющиеся любых мужчин, даже беззубых стариков. Все они в скором времени нашли убежище под крылом Эйкинэ. Именно женщины из Домов Наслаждений и приносили вести с берегов Нуатла. Они тоже бежали на остров, поскольку опасались, что Львы, как и в первое свое пришествие, вырежут почти всех обитательниц Домов Наслаждений, приняв их за жен Сыновей Бога, или угонят в рабство в Пустыню.

Женщин из Домов Наслаждений, как правило, не принимали в ряды Безмолвных сестер, ведь редко кто из них сразу не рожал. Пусть они и оставляли своих детей на ступенях Храмов Огня или Воды, согласно традициям, хуже было вообще не родить, чем бросить.

* * *

Со словами: «Прекрасное далеко, я начинаю путь» вместе с другими сестрами я шла на поля, засеянные мохнатыми стручками. Они напоминали дохлых пушистых гусениц, которым уже ни за что не стать бабочками. Внутри оказались темные круглые бобы, из которых и пеклись те самые твердые лепешки – первобытный хлеб, что ели в Нуатле. Полученная из бобов мука ценилась так же высоко, как орихалк.

Но для начала эти бобы нужно было достать, а покрывавшие их белые волоски были ядовитыми. Даже случайное прикосновение могло привести к сильнейшему отравлению, а серьезная ошибка вела напрямиком к смерти.

Та умершая девушка коснулась голой рукой растения – и жить ей оставалось считанные минуты.

Это был тяжелый и опасный труд от рассвета до заката. Трудотерапией мы вымаливали у Матери благословение, но считалось, что даже такая опасная работа никогда не сравнится с зачатием, вынашиванием и самими родами, а значит, родившие женщины всегда будут на ступень выше нас.

Я не понимала, как такие вещи вообще можно было сравнивать, но помалкивала. Смирение и труд, Майя. Как могла, я день за днем уничтожала в себе Розу Люксембург.

Размерами бобы напоминали мелкий черный изюм. Их растирали в каменной ступке, а после кашицу вымачивали в воде. Выливали настой только один раз, из последующих варили густые отвары, добавляя сушеные цветы, листья или ягоды. Это было питательным чаем, «жидким хлебом» для больных или пожилых людей, которые не могли разжевать каменные лепешки.

Даже мне это удавалось с трудом. О пушистом мякише не приходилось и мечтать. Еще не изобрели ни дрожжей, ни закваски, и первобытные люди готовили, как могли. Растертую и отваренную кашицу отжимали и хорошо просушивали – так мука хранилась примерно неделю, в течение которой из нее и пекли хлебные лепешки.

Каждое утро брали часть сушеной кашицы, снова смешивали с водой. Разводили костер, обложив его плоскими, как сковороды, камнями, на которые выливали тесто, размазывая его каменными лопаточками. Почти блины, только получались они черствыми, как прошлогодние сухари. Иногда лепешки получались черные с одной стороны и сырые с другой, но только у неопытных поваров, а к хлебопечению не допускали абы кого. Слишком тяжело давался сбор ресурсов.

На отдельном поле росла древнейшая прародительница кукурузы – низкие раскидистые кусты с тонкими темно-красными початками. Кукуруза требовала большего внимания, чем стручки, была капризнее, чаще болела и страдала от набегов насекомых и лесных зверей. Стручки же были надежно защищены смертельно опасным коконом, и звери и насекомые держались от них подальше.

Да и вкус этой кукурузы оставлял желать лучшего. Ее нужно было чрезвычайно долго отваривать, и все равно зерна оставались невероятно твердыми и безвкусными.

У женщин все шло в дело – даже опасные стручки аккуратно высушивались и использовались для растопки. По мере того, как стручок высыхал, яд выветривался и переставал действовать. Но просушить нужно было действительно хорошо.

Еще мы собирали ягоды, травы, цветы, корни и фрукты, мало похожие на своих дальних родственников. Лес многим одаривал остров. Женщины не сеяли и не выращивали фрукты или овощи, только хлебные бобы из стручков. Кукуруза, как я поняла, росла сама.

Океан и река тоже давали пропитание.

Самые маленькие дети собирали вдоль берегов раковины, моллюсков и водоросли. Те, что были повзрослее, строили заводы, плели из лиан сети и ловили рыбу, крабов и раков. Их панцири заменяли всему острову чашки, тарелки и даже "кастрюли" – емкости, в которых отваривали пищу.

Дети постарше носили воду, собирали дрова, охотились на мелких и неопасных птиц и зверьков. Фауна острова была мелкой и не такой кровожадной, как в землях краста, где я очутилась впервые. Всякие гигантские крокодилы, мамонты или огромные медведи Нуатла давно были истреблены. Впрочем, и на заледеневшем материке, где общество развивалось мед-

леннее, а глобальные перемены только маячили на горизонте, они доживали свои последние деньки.

Медленно, но уверенно надвигалась зима. С берегов Нуатла по-прежнему приходили только долблёнки с беженцами и их детьми.

Ни одного солдата. И никаких вестей о Сыновьях Бога.

Глава 2. Стихия воды

Как-то утром одна из женщин выбралась из своего шалаша полностью обнаженной, и никто, кроме меня, этому не удивился. Она опустилась на колени перед разожженным в центре селения костром. Старшая из Безмолвных сестер подошла к ней с каменным ножом в руке и стала срезать волосы прядь за прядью, отправляя их в огонь. Прическа получалась один в один, как у Таши.

Пока длилась стрижка, другие сестры ворошили золу длинными палками, взметая в небо искры. Пахло жаром, когда они выложили в шаге от нас тропу из горящих углей.

Старшая сестра убрала нож. На голове той, что решила вымолить прощение, почти не осталось волос. Она поднялась с колен и шагнула к дорожке из красных угольков.

У меня перехватило дыхание.

Огонь, как воплощение мужской силы, был вторичным божеством на острове, а первой и главенствующей была Мать, тем не менее, даже в ритуале очищения и признания своих грехов без огня не обошлось. Старшая кивнула. Женщина сделала первый шаг и задрожала всем телом. Она закусила губу и побежала вперед, содрогаясь и извиваясь. Дорога из раскаленных углей казалась бесконечной.

Я улавливала аналогию: огонь, как и мужчина, как и роды, причиняли боль. И эта пробежка по углям была своего рода последней попыткой заслужить благословение Матери.

Я ведь решила, что Ташина прическа это... ну, мода такая. Или прихоть. Захотела – и постриглась под мальчика, почему нет? Но стандарты моей эпохи, по которым я привыкла мерить жизнь, не имели никакого смысла в седой древности.

Я стояла, сжимая и разжимая кулаки. Мне нельзя было обращаться к огню. Хватило прошлых уроков.

Женщина рухнула на землю, заливаясь слезами. Над почерневшими угольками вился плотный дым. Ее плач был единственным звуком в тишине.

Старшая из Безмолвных сестер, не приближаясь к ней, сказала:

– Теперь ты заслужила прощение Матери.

Значит, я не ошиблась в трактовке ритуала. Вот он, обратный билет. Только такой ценой и можно покинуть крошечные, продуваемые всеми ветрами хижины и прекратить каждодневный рабский труд.

Только пройдя по огненной тропе, я смогу вернуться в Нуатл.

Заслужившая прощение Матери, ковыляла прочь, согнувшись от дрожи и бьющего в лицо ветра. Все еще обнаженная. Боль и голое тело были частью нового рождения. Таковы были традиции.

– Кто-нибудь еще? – громко спросила сестра.

Она смотрела на меня. Я чувствовала ее взгляд. Между нами дрожал горячий воздух, поднимающийся от углей.

Всему есть предел.

И особенно моему смирению.

Я развернулась и побежала прочь. Вслед немного запоздало донеслись утренние песенно-молитвы, с которых мы обычно и начинали наш день. Никто не стал меня останавливать или преследовать. Утренний ветер не дарил прохлады. Я до сих пор ощущала исходивший от углей жар, и это ужасало. Лицо горело. Кончики пальцев словно раскалились. Внутри клокотала ярость.

Я перепрыгивала через заросли травы и неслась вперед по ровной линии, игнорируя петляющие тропинки. Кожаные ленты – единственная защита против пушистых стручков – ослабли и развевались на ветру. Наверное, они были похожи на дрожащее пламя, которое,

казалось, вот-вот сорвется с моих рук. Впервые я поняла, почему из двух стихий именно пламя откликнулось на мой зов. Мне иногда хватало искорки, чтобы в душе разгорелась буря. Я была огнем по своей природе, разрушительной силой, которая только и ждала шанса, чтобы вырваться наружу.

Не снижая скорости и поднимая сотни брызг, я влетела в океан. Вода достигла груди, и я поплыла вперед, словно собиралась преодолеть разделяющее остров с Нуатлом море вплавь. Вода обожгла холодом, но этого было мало для тлеющего, едва сдерживаемого огня.

Я плыла до тех пор, пока не услышала перестук собственных зубов, а ноги не свело судорогой. Тогда я поняла, что потихоньку превращалась в ледышку, и, откинувшись на спину и закрыв глаза, позволила невысоким волнам вынести меня к берегу.

Океан дарил умиротворение, прибой шептал о воскрешении надежды. Я вся окоченела, когда выбралась на берег. От промозглого ветра мигом покрылась гусиной кожей, но мне было все равно, я добилась важнейшего – искра погасла.

Я вернулась в опустевший лагерь. Угли смели обратно в костер. Мне не во что было переодеться, поэтому прямо в мокрой одежде я направилась на поле, где Безмолвные сестры собирали стручки.

Никто не удостоил меня и взгляда.

После утренней молитвы и до самого вечера – стручки, стручки, стручки, много стручков, от которых руки защищали только полоски кожи, намотанные на пальцы и ладони, ведь перчаток еще не изобрели. Кожаные бинты лучше, чем ничего, но они не давали полной защиты. Любой случайный волосок оставлял на коже багровый след, как от удара хлыстом. С каждым днем мои руки выглядели все хуже.

Нас стало на одну меньше, но ни в то, ни другое утро больше никто не выходил к костру обнаженной и готовой расстаться с волосами. Меня радовало, что я не одна такая принципиальная.

Я не признавала за собой вины. Да и вряд ли когда-нибудь смирюсь с первобытными нравами. Но в таком случае ничего не оставалось, как собирать стручки до скончания века.

А точнее – ледникового периода. Большая вода утопит и остров, и Нуатл. История не давала усомниться в этом.

Магия могла бы облегчить мой бег по раскаленным углям, но это было вопиющим нарушением традиций и нового девиза «Смирение и труд». Если с трудом ещё как-то ладилось, то смирение буквально трещало по швам. Я думала о Таше и о том, что она совершенно точно прошла очищение огнем. И знала, что помогло ей преодолеть огненную тропу.

Ненависть.

Наверняка она шла по углям медленно и уверенно, и бушевавшая внутри ненависть к Сыновьям Бога была страшнее, чем истязание.

Иногда мы не выходили в поле, а до самого заката чистили собранные горы стручков, по-прежнему соблюдая осторожность и аккуратность. Защитные полоски быстро приходили в негодность. Вечером следовало промыть их в раковинах с соленой водой, чтобы нейтрализовать яд, а после просушить на камнях у огня. Утром, перед тем, как снова воспользоваться ими, задубевшую от соли и сушки кожу приходилось разминать, возвращая ей эластичность. Иначе между витками оставалась голая кожа и тогда – привет, смерть!

Только после заката можно было наконец погрызть лепешку у очага, устроенного снаружи хлипкого шалаша. Таким домиком, как мой, не польстился бы ни один уважающий себя поросенок.

Эйдер Олар, конечно, знал, каким образом здесь добывают обратный билет. И он, очевидно, решил позволить мне увидеть ритуал собственными глазами, а не взялся пересказывать его. Он больше не навещал меня, словно догадывался, что стоит держаться от меня подальше какое-то время, пока не остыну.

Занимаясь стручками, я думала о том, что даже если вместе с Шейзаксом и Эйкинэ, – потому что куда он, туда и она, – покину остров, больше никто не пойдет за мной. Женщины и дети останутся здесь.

А так нельзя.

Грош цена моим знаниям о будущем Атлантиды, если люди погибнут.

* * *

Я потянулась за горстью высушенных и уже безопасных стручков и обнаружила, что кто-то плохо вылушил их – внутри еще оставались бобы. Как есть, они полетели в затухающее пламя. Было что-то успокаивающее в их сожжении. Весь сегодняшний день я потратила на их очистку и не буду делать этого еще и ночью, тем более за кого-то другого.

Пух тут же вспыхнул. Слабое пламя гипнотизировало. Если бы только можно было обратиться к огню, не опасаясь, что один из жрецов Асгейрра вмешается...

Я встрепелась, заслышав чьи-то шаги.

Вместо Эйдера Олара из тьмы появилась Эйкинэ. Жрица куталась в темную шаль, отороченную черным мехом, скрывающую от посторонних взглядов ярко-рыжие волосы и вызывающе откровенное платье.

– Рада, что ты еще не спишь, – мягко сказала она.

– Рада тебе, но где Эйдер? Он давно не приходил.

Она со вздохом опустила наземь и ответила шепотом:

– Вчера он узнал, что в живых остались трое из Сыновей Бога.

– Дай угадаю, – с трудом произнесла я, – один из них Асгейрр.

Она слабо улыбнулась.

– Да, один из них Асгейрр. Второй – Аталас. Он пленник Асгейрра.

– А третий?

– Чтобы узнать это имя, Эйдер отправился в Нуатл.

– Сам?!

Эйкинэ кивнула.

– Когда он обещал вернуться?

– Когда узнает.

Я сжала пальцы так, что побелели костяшки. Я-то думала, мы заодно!

– Как же болит голова, – вздохнула жрица. – У меня всегда так перед дождем.

– Только не дождь, – простонала я. – Мне только вчера удалось высушить одежду после ливня.

Эйкинэ с сочувствием посмотрела на шалаш за моей спиной.

– Понимаю. У нас хижины крепче.

В наших от дождя почти ничего не защищало. Уснуть в мокрой одежде на пучке сырой соломы и под непрекращающимся дождем оказалось делом непростым. Струи затекали в уши, глаза и нос, до утра я дрожала от холода, не имея никакой возможности согреться.

За это время дождь шел дважды и каждый раз ночью. Заснуть мне не удавалось, а если я все же проваливалась в сон, мне снилось, что я тону или плыву. В таких снах я постоянно звала Анкхарата. От криков потом звенело в голове.

Эйкинэ сняла с пояса небольшой мешочек, высыпала на ладонь несколько темных зерен и стала грызть по одному.

– Это те зерна, которые мы собираем? – удивилась я.

– Да. Шаманка дала мне их, чтобы избавить от головной боли. Велела сгрызть весь мешок.

– Женщина с ожерельем из птичьих косточек?

Эйкинэ кивнула.

- Она. Когда ты успела с ней познакомиться?
- Когда Эйдер в первый день повел меня к Таше. Можно мне одно зерно?
- Тоже болит голова? Держи.

Я покатила на ладони темное зернышко. Эйкинэ пояснила:

- Она поджарила их на углях. Сказала, что сырые не помогают.

Поджарила даже, как интересно. Я всегда видела их сырыми, когда они были бледно-бежевого цвета.

- Они напоминают мне кое-какие зерна... Из моего мира.

- Откуда ты, Айя?

- С далёких берегов, Эйкинэ. С очень далёких берегов.

– Мне жаль, что ты оказалась здесь. Я знаю про спор, который Асгейрр предложил братьям. Может, стоит рассказать об этом Таше? Что поэтому Мать и не благословила тебя?

Мне и в голову не приходило рассказать Таше о том, что Анкхарат не желал идти на поводу у брата-предателя, а потому и не касался меня. Ведь это было ложью. Уж лучше пробегусь по раскаленным углям, чем откажусь от собственных воспоминаний.

- Я не буду говорить Таше о споре.

Брови Эйкинэ поползли вверх от удивления.

- Ты чувствуешь!... Неужели ты тоже способна чувствовать?

Я кивнула и спросила без особой надежды:

- В Нуатле у этих чувств есть имя?

- Нет. Но в языке Шейзакса есть.

- Он ведь из Пустыни, как и Львы?

– Да, но он не из их племени. Его племя жило у моря, когда пришли Львы. Львы убили его семью. Убили всех мужчин, способных оказать сопротивление. Женщин они забрали себе, а юношей сделали рабами. Несколько лет Шейзакс сражался в бойцовых ямах, переходя из рук в руки от одного хозяина к другому, пока его не продали одному из Сыновей Бога в Нуатле.

- Дай угадаю, неужели Асгейрру?

– Да. Он всегда интересовался Львами. Даже предпочитал... девушек с темной кожей в моем Доме. Он хотел, чтобы в Нуатле тоже проводились бои, а не только гонки на ипподроме. Для этого он и купил Шейзакса, но в Нуатле не нашлось для него противников. Все бои Шейзакса быстро заканчивались его победой, ямы быстро теряли популярность. Асгейрр был в гневе. Тогда он объявил о последней битве Шейзакса и обещал в случае победы вернуть ему свободу. Шейзакс пролил много крови, но победил, хотя Асгейрр вывел тогда на песок едва ли не целую армию против него. Он не хотел, чтобы такой сильный воин оказался на свободе. Шейзакс убил каждого, кто встал между ним и свободой. И после сбежал.

- Почему же Асгейрр все равно обратился к нему незадолго до Церемонии в Храме?

– Асгейрр не пришел к нему лично, подослал одного из младших братьев. Шейзакс был лучший убийца, какого он знал, он должен был рискнуть и добиться его расположения.

Если бы не я, Шейзакс был бы вместе с Анкхаратом в день Церемонии.

Я не сказала этого вслух, но Эйкинэ и без того поняла. Она коснулась моей руки.

- Надо верить.

- Я прокляла его, – прошептала я. – В тот день, когда он отказался от меня.

- Не дай сломить себя. А проклятия можно снять.

- Это если он еще жив... – шмыгнула я носом.

- Даже не думай о таком! Он жив.

Мне казалось, я понимаю, почему она так снисходительна ко мне.

Бывшей жрице была доступна любовь. Своего черного гиганта она любила открыто и прилюдно, ну, в рамках приличий, разумеется. Она не задавалась вопросом, что это за чувства

и какой ярлык на них лучше навесить, просто бросилась с головой в эту безграничную нежность и наслаждение, последовав за своим гигантом, куда тому было приказано.

Сомневаюсь, что ни одна девочка Нуатла никогда не испытала хоть какое-то подобие любви. В детстве они наверняка влюблялись в старших братьев, друзей по играм, может быть, даже отцов, но очень и очень скоро девичье сердце разбивалось о суровую реальность – чувства были не нужны мужчинам. Только детям.

Единственной заботой первобытной женщины было рожать детей. Ради этого ее отдавали в другое племя, если за нее предлагали хорошую цену и сама она была здоровой, а значит, потенциально хорошей матерью. Ни в чужом, ни в своем племени она не знала счастья. Она проводила ночи с разными мужчинами и вряд ли кто-то из них заводил речь о чувствах.

По меркам Нуатла, я угодила на вершину женского счастья.

Не встретить я Асгейрра и огненного мага на песчаной тропе или окажись брюнеткой – моя участь была бы иной. Вот почему женщины, которым посчастливилось родиться блондинками, стремились участвовать в Ритуале Матери. Даже возможная смерть на арене не страшила их.

Если их выбирали, они становились избранницами Сыновей Бога. Это значило спать только с одним мужчиной, получать какие угодно украшения, хорошо питаться, красиво одеваться и даже иметь в подчинении рабов. Жизнь обычной древней женщины была далека от всего этого. Так же далека, как и мы с Анкхаратом теперь.

– Помогли зерна? – спросила я Эйкинэ.

Эйкинэ коснулась висков тонкими ухоженными пальчиками. Я с сожалением покосилась на свои огрубевшие руки. Господи, мне бы крепкие строительные перчатки, я бы годовой план перевыполнила за три дня!

– Лучше, чем было, – отозвалась она, – но еще болит. Я привыкла. После ритуала отречения я стала острее чувствовать перемены в настроениях стихий. Сейчас еще ничего; вначале, сразу после ритуала, было намного хуже. Какое-то время я жила в сплошной темноте, тишине и не делала никаких резких движений, пока боль не унялась.

Снова успела позабыть, что ее одежду с рабами огненных жрецов роднил лишь цвет. Зурия тоже одевалась в багрянец, но это был скорее плотный халат, никак не платье с глубоким вырезом на груди и вдоль бедер.

– Почему ты отреклаь от дара?

– Никто не отрекается добровольно, – улыбнулась бывшая жрица. – Это жрецы Храма решают.

Я не знала, могу ли спрашивать о том, чем она прогневала жрецов. Мы не были близкими подругами. Но, чтобы сделать кое-какие выводы, хватило и ее озорного взгляда, который красноречиво говорил, что такая, как Эйкинэ, только рада нарушить пару-тройку законов и правил, если это принесет ей хоть каплю удовольствия. Зурия была исполнительницей, молчаливой и терпеливой, и, если правила касты огненных жрецов предписывали ей брак с другим жрецом, чтобы произвести потомство, она принимала эти правила с должным смирением. Эйкинэ вряд ли смогла бы.

– А как происходит ритуал отречения? Это... не больно?

– Потом больно, а пока над тобой читают молитву – нет. Поначалу просто не веришь, что кому-то по силам отобрать у тебя врожденный дар. Пока они читают молитву, ничего не происходит. А вот потом... ты ведь тоже чувствуешь пламя, не так ли? Тогда ты должна понять. Это как внезапно ослепнуть, уже будучи взрослым. Ты знаешь, что мир прекрасен, помнишь краски и свет, но отныне живешь в крошечной темноте. Я чувствую лишь отголоски сильной стихии, помню ее жар, но не могу больше приказывать ей.

Эйкинэ кинула в рот еще одну горошину.

– Расскажу в следующий раз. Тебе ведь надо еще поспать сегодня. А пока держи, – она протянула сверток. – Собственно, для этого я и пришла.

Я спешно развернула кожаный конверт. От одного взгляда на янтарный квадрат с сотами рот наполнился слюной.

Сразу вспомнился рассказ Анкхарата о женщинах из Домов Наслаждений, которые завуалированно соглашались на отношения с мужчинами, предлагая отведать меда с Солнечного острова.

– Это тот самый мед?

– Ого, – хохотнула Эйкинэ, – с далеких берегов, а об этой традиции знаешь. Ты ведь не была в Домах Наслаждений?

Я рассмеялась.

– Анкхарат рассказывал мне о Солнечном меде.

– Невероятно! Впрочем, чего удивляться... Он всегда отличался от других мужчин Нуатла.

– Это не то, что мне хотелось бы услышать от хозяйки Дома Наслаждений.

– Это точно, – рассмеялась она.

* * *

Урожай пушистых стручков наконец был собран. Поля опустели. Следующим утром после молитвы нам впервые не пришлось никуда идти.

Я собиралась спокойно позавтракать. Обычно утром мы наспех грызли приготовленные с вечера, уже остывшие лепешки. Одна из них и была в моей руке сейчас, и я подумала, а что, если подогреть ее? Может быть, это как-то улучшит ее вкусовые качества?

Занимаясь костром, я обнаружила среди пепла с десятков обуглившихся зерен. Сходство с известными в моем мире зернами было поразительным. Так у меня и появилась эта идея. Возможно, сумасшедшая идея, но почему бы не скрасить неожиданный выходной?

Я отыскала в пепле все сгоревшие зерна и отложила в раковину, которая обычно заменяла мне чашку. Запасы стручков для растопки у меня закончились, так что я сходила за новыми, но на этот раз тщательно выбирала только те, в которых еще оставались зерна. Потом собрала хвоста и отыскала подходящий камень для жаровни. Одолжила у женщин, которые занимались лепешками, каменную ступку и пестик.

Теперь можно было приступить к задуманному.

Сначала я разожгла огонь. В сильном пламени я не нуждалась, так что он едва-едва занялся. Потребовалось время, чтобы низкий и плоский, как сковорода, камень, придвинутый вплотную в углям, равномерно прогрелся.

Я в это время занималась зернами. Процент брака оказался удручающе высок, как будто я одна старалась не пропускать ни единого зернышка, а другие работали, спустя рукава. С другой стороны, если бы они выкладывались так же, как я, вряд ли бы у меня появилось столько зерен для экспериментов.

Топлива в костер я больше не подкидывала, и, когда закончила перебирать недобросовестно очищенные стручки, в нем уже тлели угли. Я разложила на камне лепешку и стала периодически переворачивать, чтобы она равномерно прогрелась. Пригоршню бобов закопала в угли. Они тут же задорно затрещали. Ни дать, ни взять – попкорн эпохи неолита.

Другую порцию выложила на горячий камень возле лепешки. Вскоре хлебец уже пришлось переворачивать палочками: тесто обжигало пальцы.

Помогая себе ракушкой, я собрала бобы из костра в каменную ступку и принялась толочь их пестиком. Запах появился тут же. К слову сказать, не самый приятный запах, но я все равно надеялась на чудо. Добавила к ним зерна, сожжённые вчера незадолго до прихода Эйкинэ, и продолжила перемалывать бобы в темную труху.

Потом сняла лепешку с камня, переложила ее на широкий лист папоротника. Больших плоских раковин, заменяющих тарелки у меня не было. Обычно мы ели на ходу.

Ополоснув ту ракушку, которой, как лопаткой, копалась в пепле, я набрала свежей воды. Пару глотков, не больше. Туда и высыпала сначала немного полученного порошка, а после, перемешав его веточкой, добавила еще. Ну а вдруг вкус получится недостаточно насыщенным?

Разумеется, всплыли все неперемолотые кусочки бобов и кожуры, но я решила не обращать на них внимания. Лепешка источала головокружительный аромат, нужно было спешить, пока не остыла. Я примостила раковину возле углей, и вода быстро закипела. Теперь нужно было аккуратно снять раковину с огня, чтобы жидкость не выкипела и не расплескалась. Выручили кожаные ленты сборщицы. Прошлой ночью после того, как работа была окончена, как и всегда, я сначала выстирала и высушила их. Они были моей единственной защитой, и ею никак нельзя было пренебрегать.

Я оставила раковину остывать на голой земле. Развернула вчерашний подарок Эйкинэ – мёда оставалось мало, но я порадовалась, что сдержалась вчера и не съела все, что она мне принесла. Украсила горячую лепешку сотой. И после стольких приготовлений наконец откусила кусочек.

Я даже зажмурилась от удовольствия.

Нет, тесто не стало мягким. До круассана лепешке было, как до луны. Но мед и тепло сделали свое дело, и теперь она больше не напоминала пресный сухарь.

Настал черед черноземного варева.

Раковина уже остыла, ее можно было держать в руках, не обжигаясь. Я сделала аккуратный глоток.

Скажу честно, это было ужасно. Напиток был горьким и кислым одновременно, и с бобами я все-таки переборщила. Вкус был невероятно насыщенным, а само варево густым, как кисель. Но я все-таки приготовила первый доисторический эспрессо.

Прошел почти год с тех пор, как я пила в последний раз нормальный кофе. Не исключено, что даже эспрессо из пятизвездочного мишленовского ресторана показался бы мне сейчас редкой гадостью. Просто потому, что я отвыкла от этого вкуса.

Второй глоток пошел уже лучше. К третьему я поняла, что буду экспериментировать еще – со степенью обжарки, количеством воды и смеси, но не остановлюсь.

Я доела лепешку, запивая ее крохотными глотками ядрёного эспрессо эпохи неолита.

До чего приятно было ощутить знакомое сочетание вкуса – сладости и горечи одновременно! Если бы в прошлой своей жизни я курила, то, наверное, сейчас вместо этого сушила бы всевозможные листья, пробуя их на вкус. Привычные ритуалы делают человека счастливым. Пусть и ненадолго.

Я вспомнила, какая тишина воцарялась на кухне после того, как родители делали по глотку утреннего кофе. Первым тишину всегда прерывал папа – истинный кофеман. «Вот теперь действительно доброе утро», – говорил он, и мама всегда улыбалась.

Как давно я не видела их! И вряд ли увижу вновь...

Одинаково ли тянулось для нас время, и прошел ли в их мире такой же год, как и здесь, в Нуатле? Как поступили они, когда нашли мой Швинн на парковке, а после рюкзак на берегу моря? Выводы о моем самоубийстве напрашивались сами собой. Как они пережили это и поверили ли?.. Я сделала последний глоток, в раковине осталась вязкая каша. Проглотила остаток лепешки и облизала мёд с пальцев.

А после ноги сами понесли меня к океану.

Я знала выход. Давно знала.

Зурия подсказала мне его, когда рассказывала о природе стихийной магии и о том, как когда-то она была неделима для жителей Нуатла. Если я могла общаться с огнем, то, может, у меня получится поговорить и с водой?

Вода была иной стихией, сильно отличающейся от пламени. Мягкой, текучей, умиротворяющей. Именно поэтому океану удалось успокоить меня в тот раз после ритуала.

Конечно, нельзя было забывать о жрецах Океана, которые служили Асгейрру в Сердце Мира. Точно так же, как и жрецы Огня, они могли ощутить мое обращение к стихии, но что с того? Они и так знали, где я. Их интересовал только Анкхарат и тот факт, что я могу попытаться отыскать его при помощи стихии.

Океан был немым свидетелем тысячелетней истории человечества. Он мог рассказать лучше любых книг историю ушедших под воду земель. Читая мифы, мы видели под водой целый мир. А для древних людей «миром» был именно Нуатл с его столицей, прозванной Сердцем Мира.

Я шагнула в воду. Серые волны скользнули по моим лодыжкам. Я привыкла к холоду. Если спишь в ворохе соломы на голой земле, не может быть иначе.

Знаю, тебе о многом предстоит рассказать мне... Но прежде покажи мне родителей. Покажи тот берег, на котором остались рюкзак и открытая бутылка вина. Кроссовки, наверное, успело занести песком. Их откопали?

«Зачем разуваться, если собираешься топиться?» На этот вопрос нет ответа. Как и на тот, как можно уйти из жизни, когда куплены билеты и вещи собраны для переезда. «Она собиралась во Францию».

Я слышу голос.

Мама.

Окаменевший, ломкий голос, не верящий в происходящее. Другие голоса задают ей вопросы.

Папа говорит: «Хватит». Это не тот жизнерадостный голос, это не то действительно доброе утро. С тех пор, как на городской парковке найден брошенный велосипед, а на пляже мои вещи, ни одно утро не бывает для них добрым.

«Она собиралась оставить остров и никогда сюда не возвращаться, – говорит мама. – Зачем ей было оставаться навсегда в этом море, на этом берегу?»

Это разумный довод, мама, но его не слышат.

«Вашей дочери прописали антидепрессанты. Она регулярно принимала их?»

Ответ в опустевшей квартире с собранными чемоданами по центру – на кухонном столе баночка, купленная по рецепту. В ней полным-полном таблеток.

Раз не пила, а рецепт был выписан, то все ясно.

Мой голос – это шепот прибоя, и мама оборачивается к морю. Она смотрит на море так внимательно, словно ждет, что я сейчас выплыву обратно. Что все это лишь шутка. Розыгрыш. Ошибка.

Я маню ее к океану, хочу, чтобы она коснулась воды. Тогда я смогу подарить ей капельку того спокойствия, которое способна дарить стихия.

Мама идет по песку, медленно, замороженно, как очарованная колдуньей принцесса. Слишком медленно.

Ее окликает папа. Он катит перед собой мой «Швинн» с облупленной краской на раме. Мама останавливается. В шаге от воды.

Мама!

Поздно, папа обнимает ее и уводит от океана. Он не хочет рисковать.

«Выпьем кофе», – говорит он.

Океан шелестит прибоем, разлетаются искрами недовольные волны. Мама еще вернется на этот берег. Я знаю. И я буду ее ждать.

А пока... я решаюсь на невозможное, решаюсь попросить у воды показать Питера и Хлою. Какими океан и этот берег запомнили их.

Я слышу, как Питер рассказывает о древних наскальных рисунках. Он сидит на песке и сосредоточенно разводит в каменной ступке ярко-красную краску, подливая океанической воды. Это особая смесь из красной глины, золы и жира. Питер погружает в краску ладонь и касается камня. На нем остается ярко-красный отпечаток.

Питер пускается в рассуждения о древних художниках, которые оставили десяток отпечатков своих рук в пещере во Франции. Он говорит о знаменитой сцене охоты и изображенных на потолках бизонах, лошадях. Когда ты смотришь на эти рисунки, говорит он, создается полное впечатление, что животные бегут по потолку. Они были невероятными художниками, Майя, попробуй и ты, нарисуй что-нибудь одними только руками...

Волна вдруг вытолкнула меня из воспоминаний, накрыла с головой. Течение протащило по гальке.

Мои ладони были красными, но не от краски. Я расцарапала их о камни.

Пляж превратился в болото. На поверхности океана росли волны, и они ярились, заливая берег.

Я, конечно, решила, что это последствия моего общения со стихией, и не сразу поняла, что это не так. Гроыхая, как сорвавшаяся с горы телега, высокая волна пронеслась по океану, и на всей скорости влетела в деревья на берегу, справа от меня. Захрустели под напором воды стволы. Орала запутавшиеся в ветвях птицы, которые остались живы к этому моменту.

Страх перед могуществом стихии парализовал меня, пригвоздил к месту, и я не сразу побежала прочь. Вместе со мной течение устремилось вглубь острова. Холодная морская вода бурлила и пенилась, подхватывая трофеи на своем пути: ветки, листья, молодые тонкие деревца. Кожаная одежда набухла и разом потяжелела.

Хотя лагерь был сравнительно недалеко, обратная дорога заняла куда больше времени. А еще я чуть не промахнулась и не пробежала мимо. Наши плетеные дома не были рассчитаны на девятый вал. Те, что плохо держались, просто смыло в лес, другие шалаши были затоплены по самую крышу. Я добралась до лагеря, когда и лагеря-то уже не было.

Безмолвные сестры не растерялись и спасли то, что ценили больше всего – бобы. Те самые бобы, что мы собирали столько времени, а я пустила на эксперименты по сотворению кофе.

Женщины поднимали высоко над головами кожаные узлы, из прорех в которых нет-нет, да высыпались крошечные зернышки. Они несли их в больших раковинах, плетеных корзинах, в узлах из шкур, одним словом, в чем угодно. Мне даже стало стыдно, что я спасала собственную жизнь, а не урожай. Но обо мне подумали за меня. И тут же вручили корзинку. Пришлось прижать ее к груди, чтобы дно не касалось воды, уровень которой уже достигал бедер.

Корзина мешала обзору и это еще мягко говоря. До того, как она оказалась в моих руках, я упрямо глядела под ноги, хотя ни ног, ни дна давно было не разглядеть. А с корзиной на руках я почувствовала себя ослепшей.

Остальные шли, точно зная, куда следует эвакуироваться в случае потопа, так что понемногу я успокоилась и просто двигалась за ними. Идти след в след, как по снегу, в воде, конечно, не получалось, но я старалась.

Вдали темнела единственная на острове гора, куда и стекались все жители.

Сначала что-то коснулось моей ноги – холодное, скользкое и явно живое. Уже одного этого было достаточно, чтобы умереть от разрыва сердца. Но я лишь сдавлено вскрикнула и побежала вперед. Зерна выпрыгивали из моей корзины, как живые.

Усеянная белыми горошинами вода забурлила.

– Стой! – крикнула мне Старшая сестра.

Ага. Я бы остановилась, обязательно остановилась, если бы рыбы не стали выпрыгивать из воды. Толщиной в две моих руки, с разинутыми ртами, в которых – ну конечно! – сверкали клыки.

Одна из них ударила по корзине хвостом. Я едва удержала ее в руках. Чье-то упругое гибкое тело скользнуло вдоль моих бедер, а затем рыбина, выпрыгнув из воды, все-таки выбила из моих рук корзину. Волны стали белыми от зерен.

Рыбами как будто овладело безумие, а я словно оказалась в центре котла с кипящей ухой. Они прыгали, брызгались, клянулись, пищали и даже дрались между собой.

Я бежала оттуда, не помня себя от страха.

В этот миг далеко в небе прокричал орел. Этот звук я могла различить среди тысячи других.

Глава 3. Последний из Пещерных медведей

Ауг не хотел умирать в землях, где не скованные льдом реки текли меж зеленых равнин. Чтобы выжить, он выкопал яму, в которой и спрятался, оставив небольшое отверстие для воздуха.

Черные люди в пятнистых шкурах хотели забрать Нуатл себе. Ауг не хотел. Он хотел вернуться в родные пещеры. Ауг был единственным, кто вернулся из того похода за соленое море. Погибли Вождь и остальные охотники. А женщин... сожгли.

Так было всегда – они жили, жили, пока снова не наступало время отдавать жрецам с красными волосами своих женщин. Им отдавали больных и старых, пока такие были.

Аугу повезло – у него родился сын, а не дочь. Он обещал своей женщине, что позаботится о сыне, когда ее не станет. Старейшины племени могли отдать его женщину мужчинам Нуатла, так было всегда.

Никто не ждал другого.

Раньше вокруг пещер всегда был снег, теперь сугробы исчезали, и летом в пещерах бывало так же жарко, как и на берегах Нуатла. Старики говорили, что надо уходить за снегом и морозами. Их никто не слушал.

Зря.

Раньше черные люди, которые звали себя Львами, никогда не забирались в земли Ауга так далеко. Их пленниками оказались почти все племена, о которых он знал, – Снежные барсы, Бивни мамонтов, люди из Лисьих нор и даже Пещерные львы. Когда-то все племена снежных людей воевали между собой. Теперь Ауг не понимал, почему замерзшая земля стоила того, чтобы проливать из-за нее кровь.

Когда напали Львы, Ауг успел крикнуть своей женщине, чтобы она унесла их сына в низкие пещеры под землей. Может быть, она успела.

Может быть, нет.

Ауг выживал раз за разом. Сначала на той песчаной тропе в океане после нападения крокодила, а теперь намерен выжить здесь, среди высоких деревьев. Он набросал на себя землю, траву и ветки, но все это осыпалось от дыхания, поэтому старался дышать неглубоко и редко. Он должен выжить и вернуться, иначе кто проводит мертвых на встречу с духом медведя, если все из его племени мертвы? Может статься, что теперь он – последний из рода Пещерных медведей.

Ауг никогда не сожжет тела родных, как поступают жрецы с красными волосами. Тогда на тропе он позволил жрецу сжечь тела охотников, которых убил крокодил, но кости своего сына, окрасив в цвет красной глины, он предаст мерзлой земле. Хватит с него чужих традиций. Пусть Львы правят Нуатлом, Ауг не против. Без костров Нуатла их женщины проживут дольше.

Львы быстро шли по Нуатлу, а Боги, ради которых мужчины со светлыми волосами столько лет сжигали снежных женщин, так и не пришли на помощь. Тела жрецов втапывали в землю неповоротливые чудовища с одним рогом во лбу. Насадить на этот рог кого-нибудь из снежных людей для Львов было лучшим развлечением, пока они готовились к битве с Нуатлом. Пробить их шкуры были бессильны даже закаленные в огне копья.

Ауг не был одним из мудрых старцев, но даже его думалки хватало, чтобы понять: после завоевания Нуатла Львам больше не нужны снежные люди. Вот почему он сбежал этой ночью, пока на небе не было луны, и бежал так быстро, как мог, а на рассвете снова зарылся в сырую землю, оставив только нос снаружи. Он пролежал так весь день, никак не реагируя на лесных тварей, которые ползали и ходили вокруг.

Надвигалась ночь; скоро он поднимется и будет бежать до рассвета.

Он слышал звуки: рядом были уродливые каменные дома, которые строили мужчины Нуатла. Острый нюх уловил сладость терпкого масла. Им Львы обмазывали свои будто обугленные пламенем тела, отчего кожа лоснилась жирным блеском.

А еще дым... Где Львы, там всегда дым.

Шаманы с раскрашенными лицами поджигали и оставляли тлеть тонко скрученные сушеные листья. Ауг видел много безобразных ритуальных танцев и пережил не одну ночь, полную терпкого дыма и опаленную жаром костров, когда под рев охрипших глоток: «А-а-а у-у-ух! А-а-а у-у-ух!» и безумный ритм барабанов воины призывали Бога Смерти благословить их оружие – копья, щиты и каменные топоры.

Если отсюда он чувствует запах масла, то нужно убираться.

Ауг рывком сел, сбрасывая с себя, словно тяжелую медвежью шкуру, пласт земли. На ходу подобрал личинок, которые копошились под телом в земле, сунул в рот и побежал, не отряхиваясь.

«А-а-а у-у-ух! А-а-а у-у-ух!» – неслось в спину.

Ауг побежал быстрее. Бой барабанов превратился в единый гул.

А потом ночь перестала существовать. Стало светло, и Ауг увидел, как в дупла и норы разбегались ночные твари. Ему и самому хотелось убраться во тьму, но ее больше не было.

Он быстро оглянулся – перед горящим домом металась тень.

А потом услышал в оранжевом небе крик орла. Ему вторил другой, третий, а после затрубил слон.

Ауг развернулся. Он чувствовал дрожь земли, хотя и бежал. Он хорошо знал, что это значит: Львы выводили рогатых тварей на бой.

Он и не знал, что умеет бегать так быстро. Не иначе, это дух Пещерного медведя наделил Ауга силой.

Стоило ему подумать об этом, как земля вздыбилась, и он приложился о нее лбом. Кажется, он даже летел какой-то миг, как птица, пока не пропахал носом землю. Вокруг было темно. Грохот битвы был далеко – значит, можно идти спокойней.

Ауг хотел подняться, но вместо земли коснулся пальцами какого-то человека. Он лежал здесь, в сугробе из листьев, и не шевелился. Возможно, это мертвец. Ауг коснулся его тела, – кажется, это была рука, – и, к его удивлению, кожа оказалась теплой на ощупь. Плохо, что Львы рядом. И если они найдут его, бедняге не жить.

Ауг разгреб листья и провел пальцами по телу, нащупал бороду и рану на животе. Пальцы стали липкими от крови. Нагнулся и понюхал рану – хорошо. Может, он пролежал здесь недолго.

Ауг коснулся своей курчавой и спутанной бороды. Львы бород не носили. Мужчины Нуатла носили, но чаще всего короткие. У этого же... борода была внушительной, почти как у него самого. А если это один из снежных людей?

Он был одет в кожу и оружия у него не было. Ауг провел несколько раз пальцем по носу и лбу мужчины, но так и не понял, кто перед ним. Так что он обхватил мужчину за ноги и потащил. Тот сначала застонал, а потом притих. Ауг даже остановился проверить, не умер ли.

Не умер. Он потащил дальше.

Если звериные духи будут благоволить собрату, то с их помощью он окрепнет и тоже покинет земли Нуатла. Раненому нужно будет поблагодарить дух медведя, Ауг скажет ему об этом, если тот очнется. Без помощи духов Ауг вряд ли бы смог дотащить собрата до подземного укрытия. Низкий вход у самой земли был скрыт ветвями и забросан камнями. Никто не нашел бы его просто так.

Ауг знал, что здесь есть небольшие подземные пещеры. В них Львы держали снежных людей, скрывая их от Нуатла. Там они не давали им разжечь огня, а после того, как Ауг попытался, его жестоко избивали.

Здесь будет лучше в пещере, чем на виду у Львов. Здесь запах его крови не привлечет хищников. Ауг оставил раненого, пролез в пещеру спиной вперёд и, вцепившись в плечи мужчины, подтянул к себе. Затем еще. Тот больше не стонал.

Ауг протиснулся внутрь, уложил мужчину и в полной темноте пополз к выходу.

И тут ветер снова донес до него грохот и крики. С небес раздался громкий птичий выкрик – совсем рядом. Ауг спешно заложил проход камнями.

Похоже, он переждет здесь, пока его враги, наконец, перебьют друг друга. И только после двинется в обратный путь.

Глава 4. Орла не видали?

Я больше глядела вверх, чем под ноги, высматривая орла. Тогда-то я и оступилась. Взмахнула руками, но сумела повиснуть, только вцепившись за выступ левой рукой, четко понимая, что жить оставалось секунды две, не больше.

– Держись! – громынуло над головой.

Чья-то рука стала тянуть меня. Как будто на дыбе растягивают! Я взвыла от боли. На голову сыпались камни и мокрая земля, но кто-то уверенно тащил меня наверх.

Это оказался Шейззакс.

Он поднял меня на ноги, а я повисла на его плече, тщетно пытаюсь вздохнуть полной грудью. Меня трясло. От холода и страха. Мгновение назад я взбиралась вместе с женщинами на гору, а потом она, словно необъезженный скакун, сбросила меня вниз.

– Шейззакс обещал Сыну Бога защищать тебя, помнишь? Шейззакс успел. Идем.

– Чей орел в небе? – спросила я, клацая зубами.

– Шейззакс не видел орлов.

Я не стала спорить.

Догнать сестер удалось только на вершине, и плач был единственным звуком, который царствовал там. Рыдания неслись отовсюду, как рев водопада. Люди продолжали взбираться с другой стороны горы, некоторые вели упирающихся волов, другие несли связки шкур или корзины продовольствия. Утирающие слезы взрослые вели хныкающих детей.

Шейззакс привел меня. И только я умудрилась ничего не спасти, а ту единственную корзину, что мне доверили, скормила рыбам. Они первые на меня напали, могла бы сказать я, если бы кто-то стал меня слушать. Но всем было не до меня. Мир этих людей уходил под воду у них на глазах.

Над головами висело низкое серое небо. Белой птицы нигде не было.

По сути, я впервые видела настоящих обитателей острова – изуродованных шрамами, болезнями, старостью, голодом и тяжелым трудом. Их ссылали на остров умирать. Говорили они шепеляво и неуверенно, закрывая руками прогнившие зубы или беззубые челюсти. Хотя у всех, даже у рабов, каких я встречала в Нуатле, зубы были на месте.

Мужчины держались особняком. Взглядом они искали ту единственную, что могла отдать им приказ о защите или нападении. Но Таши нигде не было. Надеюсь, она в порядке.

Преобладали, конечно, женщины. Разных возрастов, но многие, я допускала, были намного моложе, чем выглядели их лица. Горе не прибавляет свежести нашей коже. Жаль, что это так. Возможно, когда-то в Нуатле при свете ритуальных костров они блистали красотой и безупречными обнаженными телами, но не здесь и не сейчас. Участь сборщиц урожая была безрадостной, и вряд ли у остальных обитателей острова жизнь протекала намного беззаботней.

Женщины с острова брошенных жен не носили платьев из цветной ткани, из украшений на них были лишь материнские ожерелья из поблекших от времени и солнца раковин. Жемчуга, изящные косы, обвивающие голову, ленты и живые цветы – все это осталось на землях мужчин, словно в красоте на острове женщин не было никакого смысла. Только практичные косы, а у других – варварски остриженные волосы.

Эйкинэ выделялась среди них, как цветная фигура в черно-белом фильме. Завидев меня и Шейззакса, она уже неслась к нам навстречу, а красные полотна ее платья развевались, как крылья или языки пламени. Эйкинэ была королевой среди нищих. В ее уложенных огненно-красных волосах сверкали жемчужины.

В ее внешнем виде крылся ответ – конечно, любовь была тем, из-за чего она словно светилась изнутри. Эйкинэ не забыла, какой она была в Нуатле, и не стала меняться здесь,

среди вечного траура по прошлой жизни. Она попала на остров добровольно и с любящим ее мужчиной. Конечно, она знала, что ее ждет, и каково здесь будет. И как беззаботно она рассказывала здесь о своей жизни, о сборах меда...

Эйкинэ пролетела мимо меня и бросилась на шею Шейзакса. Да я и не ждала ничего иного.

Эффект эти объятия бывшей жрицы и беглого раба произвели такой, словно они при всех попытались зачать ребенка. На миг от своих насущных дел оторвались все. Даже мужчины. Хотя, конечно, у них были причины, чтобы пожирать глазами такую женщину, как Эйкинэ.

Женщины древности не знали подобных объятий. Вероятно, они не сильно-то и горевали над участью разоренного Львами Нуатла. Нельзя исключать, что они и сами призывали кару Богов на него. Не дарившие любовь и не получающие ее сами, такие женщины, наверное, были и не на такое способны.

Единственной их заботой были дети. На них они растрчивали бесконечные запасы любви, столь ненужной мужчинам.

Мне было кому дарить свою любовь. И если я заведу детей, здесь, в этом мире и от мужчины, которого люблю, то сделаю это, потому что сама так захочу. Рождением ребенка я не буду залечивать растерзанную душу.

Хотя мысль о детях в первобытном мире внушала неподдельный ужас. Даже о гипотетических детях.

Я переводила взгляд с одного лица на другое, пока не наткнулась на двух блондинок, показавшихся мне знакомыми. Обе держали на руках спеленатых младенцев. Так и есть, одна из них была той самой избранницей Асгейрра, которую я пыталась защитить с помощью огня. Она и указала, ни капли не смущаясь, на меня пальцем третьей женщине, тоже блондинке. К ее ноге, цепляясь за юбку, жалась девчушка лет четырех с пепельно-белыми волосами.

Превосходство как ветром сдуло. Самоуверенность опустилось до нуля и даже ниже.

На острове жили две бывших избранницы Анкхарата – и, вероятно, одну из них я только что нашла.

Вместе с дочерью.

Ну, и как ты поступишь теперь, Майя?

* * *

– Ты нужен мне, – упрямо произнесла Таша.

Она стояла перед черным гигантом, мокрая с ног до головы. Вода капала с ее коротких облепивших голову и шею черных волос. Таша привела с собой еще два десятка женщин и сразу направилась к Шейзаксу со словами, что он должен спуститься с ней обратно в низину.

Когда появилась Таша, Эйкинэ отступила от Шейзакса ко мне.

Я оглянулась на мужчин острова. Им быстро нашлось занятие: они готовили ветви, чтобы строить укрытия. Все указывало на то, что ночь мы проведем здесь же, на вершине горы. И неизвестно как долго.

Я заметила два кинжала из темного камня на бедрах Таши. Раньше их не было.

Черный гигант бесцеремонно ткнул в меня пальцем со словами:

– Шейзакс обещал.

– Здесь с ней ничего не случится! Помогите мне! Вода прибывает.

– Таша права, – кашлянула Эйкинэ.

Шейзакс обернулся с удивленным видом, мол, на чьей ты стороне, женщина?

– Если кто здесь и может помочь ей, то только ты, – сказала Эйкинэ.

Он покосился на меня, и я кивнула.

– Тогда Шейзакс идет с тобой, – решился гигант.

Таша первая, не оборачиваясь, направилась к спуску. Она излучала силу и решительность. Конечно, ее одежда, как и у всех, насквозь пропиталась водой, но она не переваливалась, как пингвин, и не горбилась под тяжестью намокшей туники, как я, например. Пока она шла, к ней подлетали другие женщины, и Таша отдавала приказы, не замедляя шага. Она единственная была одета в подобие доспеха – тщательно подобранные плоские раковины, вплотную пришитые друг к другу, создавали впечатление панциря.

Шейзакс направился следом. У него тоже имелся каменный кинжал на бедре. Еще несколько коротких ножей для метания крепились широкими кожаными полосами, пересекавших грудь и спину.

Эйкинэ коснулась моей руки.

– Лучше бы это был ливень, правда? – сказала она. – Бедная моя голова. Похоже, это надолго. Давай я отведу тебя к твоим?

Если бы не эти слова, я бы решила, что природный катаклизм стал хорошим поводом отменить заведенные порядки. Но нет. Идти недалеко: плоская вершина невелика.

Безмолвные сестры ютились с самого края. Дети и их матери (и избранницы Анкхарата) оставались позади. Если бы не Эйкинэ, я бы наверное так и простояла весь день, оцепенело глядя на них.

Вершину поделили между собой все обитатели острова. Мужчины, бывшие жрицы Домов Наслаждений, матери и их дети, старухи и Безмолвные сестры. Только рабов не было, может быть, они не рискнули присоединиться к беженцам, может быть, нашли себе другую гору Арапат, чтобы переждать наводнение.

Дети первыми вернулись к прежней жизни. Они со смехом носились в центре и иногда кто-то из них случайно подбегал к нашему обрыву. Их тут же окликали матери или те, кто следил за ними.

Безмолвные сестры отводили глаза в сторону – ни одна из них так и не посмотрела в сторону детей, я следила.

Старшая сестра тут же раздала поручения – прежде всего, нужно было заняться убежищем. Каким оно станет, зависело только от нас самих. Вместе с другими я спускалась вниз по холму, обламывала ветви и листья у торчащих из воды папоротников. Не было ни единого шанса высушить одежду. Я поднималась с новой охапкой, отдавала собранное и спускалась снова. Мокрая глина покрывал одежду ровным слоем. Холод проел до костей. Тонкие и острые, как бумага, листья папоротника резали руки. Кожаных лент, которые защищали от смертельно опасных стручков, на всех не хватило.

До сих пор было неизвестно, кто отдал приказ океану и не почудился ли мне крик орла...

Я несла к лагерю охапку сорванных папоротников, когда земля под ногами затряслась. Устоять не удалось. Я выронила из рук мокрые листья и упала. Мелкая галька подпрыгивала в воздухе – такой силы были подземные толчки. Внизу ревел океан, а я холодела от одной только мысли о сокрушительных волнах, которые устремятся к нашей невысокой горе, если толчки с каждым разом будут становиться только сильнее.

Боги, а потопа было недостаточно?...

– Тебе страшно? – вдруг услышала я. – Все так кричат.

Я подняла глаза. Передо мной сидела девчужка – та самая, с пепельными косами, заплетенными вокруг головы. Она переводила золотисто-янтарные глаза – глаза Анкхарата – с одного взрослого на другого.

– Не бойся... – выдавила я.

– Я и не боюсь, – девочка пожалала плечиками. – Я искала Чори. Она опять сбежала.

– Кого?

Она разжала ладонь. Там сидел птенчик. Казалось, нерадивый повар взялся за это несчастное создание, но, ощипав тонкую шейку, решил, что бульон из этой твари выйдет так

себе, и отпустил на волю. Птичка не растерялась и одолжила недостающие перья у попугая и канарейки: под облезлой лысой шейкой топорщились желтые перья, а хохолок был дерзкого синевато-зеленого цвета.

Редкая вещь могла заставить меня улыбнуться в этот миг.

Облезлый птенец, прохаживающийся вдоль детской ладони с важностью павлина оказался одной из них.

– Ее зовут Чори, – повторила девочка. – Правда, чудо?

– О да... А как зовут тебя?

– Катта... ой! – она зажала рот второй рукой и покачала головой. – Я забыла, мне нельзя с тобой говорить, – сказала она, не отнимая ладони ото рта. Вышло неразборчиво.

Я снова улыбнулась.

– Никто и не заметил, как мы говорили. Беги к маме.

Толчки унялись. Катта сжала птенца обеими ладонями и побежала к детским шалашам. Я принялась собирать разбросанные листья.

Хотела ли я детей от Анкхарата?

О, я могла сколько угодно говорить «нет», пока он был рядом. Пока это было возможным. А сейчас эта красивая девчушка, – действительно красивая, как ни крути, – принадлежит ему и какой-то другой женщине. Не мне.

Напоследок я мельком обернулась на детские шалаша, чтобы найти взглядом Катту. Вместо привычной суматохи и беготни увидела, что матери, прижав к себе детей, схлынули единой волной, совсем как подчиняющийся магии океан, к краю горы. И все, как одна, напряженно вглядывались в небо.

Я тоже подняла взгляд – белоснежный орел стремительно снижался.

Уже можно было разглядеть двух всадников, и ни один из них не носил красной одежды.

Орел в последний раз ударил крыльями, гася скорость, и вот его лапы коснулись мокрой земли в десяти шагах от меня. Вытянув шею, птица издала протяжный крик, и с недовольным видом опустила грудь и пузом в грязь, позволяя всадникам спрыгнуть на землю.

Оба мужчины были блондинами. Один из них сильно хромал. А еще у него не хватало нескольких пальцев. И было много шрамов на лице. Мой взгляд выхватывал детали, словно не в силах составить общей картины.

Когда этот мужчина, сильно хромя, приблизился ко мне, я все еще глядела на него, при этом совершенно не видя его лица.

– Айя? – спросил он чужим голосом.

Что-то оборвалось внутри меня. Последняя надежда? Наверное.

После того вечера, когда я обозналась и вместо Анкхарата обняла Асгейрра, я часто просила Зурию описать внешность остальных Сыновей Бога, чтобы в будущем не повторять ошибок. На скачках я подметила, что данные Зурией характеристики были верны.

В свое время Сына Бога, который сейчас стоял передо мной, Зурия описывала, как красивого мужчину с темными глазами и светлыми волосами, у которого, единственного из десяти, был широкий нос с горбинкой, что делало его профиль похожим на орлиный.

Сейчас на меня смотрел мужчина, лишь отдаленно подходящий под описание Зурии. Больше похожий на бледную тень того, кем он был до Церемонии Очищения огнем.

Его хваленный орлиный нос явно ломали. И не один раз. Уверена, если бы мне хватило мужества и наглости провести пальцем по его переносице, я бы ощутила выпирающие из-под кожи неправильно сросшиеся хрящи. Его губы расчертили белые полосы шрамов, словно кто-то пытался зашить ему рот. Один из таких шрамов от верхней губы уходил по левой щеке в сторону уха. Самого уха не было.

Только на острове я встретила тех, чья внешность была далека от идеальной, кого покалечили и изуродовали годы, болезни, несчастные случаи или дикие звери. Им не было места

в Нуатле, которым правили десять мужчин, чья внешность была идеальной. Сыновья Бога не могли выглядеть иначе.

Я хорошо понимала это теперь, хотя, увидев десять Сыновей впервые, приняла их стать, как должное. В моем веке красивые люди не были редкостью, идеальные лица смотрели с обложек журналов, рекламных баннеров и телеэкранов. Но здесь, за двенадцать тысяч лет до изобретения фотошопа, пластической хирургии, стоматологии и декоративной косметики, внешняя красота была престижной редкостью.

– Адан? – прошептала я.

Он криво усмехнулся:

– Скорее то, что от него осталось.

Второй мужчина, бледный, как моль, стоял возле орла, сцепив на груди скрытые широкими рукавами голубоватой туники руки. Он не был одним из Сыновей Бога.

– Это Кадмар, жрец океана, – объяснил Адан, скользнув взглядом по сбившимся на краю утеса женщинам, по мужчинам, побросавшим изготовление навеса, и пробормотал:

– Где она?

– Ты первый из Сыновей Бога, которого я вижу с того дня на пристани, – быстро заговорила я. – Вижу, что тебе пришлось нелегко. Но я до сих пор не знаю ничего об Анкхарате. Скажи мне...

Мне не дали договорить. Таша

Таша взлетела на гору, держа наготове черные каменные клинки в обеих руках.

– А вот и хозяйка острова, – констатировал Адан.

В тот же миг нас окружили вооруженные женщины. Как и Таша, они были облачены в кожаные штаны и крепкую плетёную тунику. В руках у них были обожженные копья. Короткие кинжалы были только у Таши.

Следом за воинственным отрядом на гору поднялся Шейззакс. Он замер при виде Адана. На его руках лежала седая женщина.

– У тебя плохая память, Адан, – процедила Таша.

– Если бы это было правдой, я бы уже забыл о пытках.

– Не пытайся разжалобить меня.

– А что насчет Найнеки? – Адан кивнул в сторону женщины на руках черного гиганта.

Таша вздрогнула, как от пощечины. И в тот же миг бросилась вперед. Блеснули острия занесенных клинков.

Жрец океана за спиной Адана щелкнул пальцами.

Таша рухнула на колени, как подкошенная. Лицо налилось кровью. Так и не выпустив из рук клинков, она зашлась в долго хриплом кашле. Жрец океана, довольно кивнув, снова сцепил руки на груди и замер возле орла молчаливой статуей.

Ого. Они и такое умеют?

Разъяренная Таша, тяжела дыша, поднялась на ноги.

– Я обещала Богам, Адан, что ни один Сын Бога не ступит на остров живым.

Адан глядел на нее так, словно видел впервые, хотя, безусловно, это было далеко не так. Они были хорошо знакомы.

– Я тоже многое обещал Богам, Таша, – ответил он ей. – Но Боги не слышали меня. Как и моих убитых братьев.

– Уходи, не то пожалеешь.

– Я уже пожалел, – еще одна кривая ухмылка. – Но уйти не могу. Без меня твои люди не выберутся с острова. Оставаясь здесь, ты обрекаешь детей на гибель.

– Теперь Сыны Бога вспомнили о детях?

– Когда Львы будут здесь, детям не жить, ты знаешь это. Заметь, я не говорю «если». Я говорю «когда».

Таша молчала. Адан продолжал:

– Сейчас армии Львов разъединились. Они грабят Нуатл, но скоро Вождь снова соберет войска. Мы последние, кто еще оказывает им сопротивление. Он придет к нам. И вот почему мы должны быть вместе. Сейчас. Потом будет поздно.

– Ты утопил наш остров. Лишил выбора. А теперь изображаешь спасителя? Так всегда поступают Сыновья Бога, не так ли?

Это был странный и жестокий метод привлечь на свою сторону союзников, в этом я была согласна с Ташей.

– Я дала этим людям свое слово, Адан, – говорила она. – Обещала, что они больше никогда не окажутся под властью Сыновей Бога или Нуатла. Они поверили мне.

Тихий свист повторился дважды. Адан даже успел криво усмехнуться, как если бы успел разгадать коварные планы стоявшей перед ним женщины.

Сначала жрец, а потом, спустя секунду, и Адан рухнули на мою землю.

Две женщины позади них опустили устройства для метания дротиков. Два дротика с желтыми перьями, словно их выдернули из груди птички Чори, торчали из спин прибывших на остров мужчин.

– Ты убила их? – спросила я Ташу.

– После всего, что с ним сотворили Львы, это было бы слишком легкой смертью.

В ее глазах горел огонь мести. Я уже видела этот огонек, когда впервые встретила Ташу. Сейчас пламя разгорелось в полную фанатичную мощь. Всем своим сердцем она ненавидела Сыновей Бога, Адан это знал. По сути, ему нечего было терять, когда он решил утопить остров. И он, конечно, знал, чем Сыновья заслужили такую Ташину ярость. Я до сих пор не знала. Знала только то, что один из них наконец оказался в ее власти.

Я слишком благоволила Нуатлу, но Таша ничего не могла с этим поделать. Не швырять же и в мою спину отравленным дротиком? Просто так. Для надежности. По взгляду, холодному, как серое низкое небо, было понятно, что Таша не исключает и такой вариант развития событий, стоит мне пойти ей наперекор.

Она отошла от меня, и я услышала, как она велела женщинам укрепить те веревки, что они прихватили с собой. Не нужно было спрашивать, кому они предназначались.

Она подозвала к себе сгорбленную седую старушку, обвешанную ожерельями из тонких птичьих косточек, которая все это время стояла рядом с Эйкинэ. Шаманку Ру, вспомнила я. Вместе с ней Таша направилась к Шейззаксу, который, не шелохнувшись, до сих пор держал на руках так и не пришедшую в сознание женщину.

Эйкинэ, улучив мгновение, снова подошла ко мне. Лагерь забурился и пришел в движение. Большинство старательно отводило глаза и от гигантского орла и от всадников, лежащих в грязи.

– Кто эта женщина, которую спас Шейззакс?

– Мать Таши.

– И она благоволит Сыновьям Бога? – удивилась я, вспоминая, как взъярилась Таша, когда Адан намекнул на ее мать.

– Когда-то ее мать была избранницей самого Аталаса.

– Подожди... но тогда...

– Таша его дочь.

Все встало на свои места.

Я покосилась на Адана. Этот изуродованный худой мужчина претерпел и не такое, в этом Таша права. Но ему кое-что известно. И я обязательно должна узнать правду.

Эйкинэ перехватила мой взгляд и покачала головой:

– Лучше не вмешивайся.

Конечно, я согласилась.

Глава 5. Адан говорит

К тому времени, как небо вспыхнуло кровавым закатом, острова больше не было. Из воды торчали только макушки деревьев, а течения крутили между ними водовороты. Если подобное стихийное бедствие сотворил один лишь Кадмар, то на что способны остальные жрецы океана?

К вечеру поток людей иссяк. На вершине было не протолкнуться. Всюду лежал спасенный скарб, на ветках были развешаны мокрые шкуры. Земля под ногами тоже набрала воды, от мехов растекались лужи, и в них плескались дети.

В последний раз мы спустились вниз и вернулись с листьями, которые удалось нарвать, не сходя с горной тропы. Адан лежал в прежней позе, связанный по рукам и ногам крепкими веревками. И хотя свободного места на вершине почти не было, обитатели острова держались поодаль от Сына Бога и его орла.

Ничего из случившегося не возмутило гигантскую птицу. Орел Анкхарата не был таким спокойным. Он норовил показать характер даже во время полетов, как часто жаловался Анкхарат, а вот орлу Адана, казалось, достаточно сказать: «Довези меня до острова» – и можно будет спать всю дорогу. Теперь меня уже не удивляло, что птицам не давали имен. Я понимала Нуатл лучше. Имя означало привязанность, любовь, преданность, заботу и даже близость к Богам. Одним словом, многое. А для Сыновей Бога орлы были лишь атрибутом власти, а чувства – неприемлемы в любом их проявлении.

Когда со строительством шалашей было покончено, женщины острова впервые согласились принять помощь Безмолвных сестер. Они принялись плести корзины и веревки из тех лиан и листьев, которые мы им приносили.

Вся запасная одежда, которую все-таки удалось высушить, досталась детям. Их переодели и уложили в просторном шатре из шкур животных, наброшенных на древесный каркас. Он был единственным, даже у Таши такого не было. Остальные шалаши были из веток и листьев.

Лепешки, которые захватили из лагеря при бегстве, тоже раздали детям. От сырости лепешки набухли и есть их стало проще.

Взрослым досталась рыба, которую мужчины раздобыли с помощью копий ниже по склону.

Моему более сильному, чем голод, желанию – высушить одежду – не суждено было сбыться. Таша запретила разжигать костры. Рыбу ели сырой. Старшая из Безмолвных сестер приняла три рыбины из рук мужчины, и это тоже случилось впервые.

В сумерках мы молча съели разделанную каменным ножом рыбу. Вокруг было бесконечно много воды, но пить было нечего. Ту опресненную воду, что удалось добыть, отдали детям. Капли медленно проступали с подвешенных на деревьях кожаных мешков, наполненных океанической водой и смесью глины с камнями. Желающих было куда больше, чем чистой воды.

Впервые с того дня, как Тигр поделился со мной едой, я вновь ела сырую рыбу. Теперь я понимала, сколько мужества требовалось, чтобы разделить со мной пищу. В тот миг Тигр и остальные считали меня уроженкой Нуатла. Они имели полное право убить меня там, на берегу Спящих Драконов. Этот мир никогда бы не узнал обо мне, отдай они мое тело на растерзание хищникам.

Мирозданию было угодно, чтобы я выжила, влюбилась и примирилась со своим прошлым. А потом, обретя счастье, разом его лишилась и снова оказалась посреди океана, на стремительно уходящем под воду отрезке суши, с сырой рыбой в руках и без малейшего намека на то, чего ждать дальше.

Я ела и понимала, что путь смирения и труда, которым я решила следовать, себя исчерпал. Другие женщины Нуатла оставались частью этого общества, которым правили предрассудки, страхи и закосневшие традиции, но не я.

После сестры забылись под скатом шалаша, прижавшись друг к другу. Ко мне, несмотря на усталость, сон не шел. Трава и земля отсырели от мокрой одежды, и холод никак не давал расслабиться. Хотелось лечь удобней, но меня зажимали с обеих сторон другие. Одна из сестер надрывно плакала во сне, другая храпела.

Шалаш мы разбили у самого обрыва, и внизу ревел океан. Я лежала с открытыми глазами и думала о сегодняшних землетрясениях. Это тоже не добавляло спокойствия. В животе урчало от голода, а язык прилипал к небу. Отчаянно хотелось пить.

Я вроде бы глядела на лоскуты серого неба, думая о том, что в таком положении мне никогда не заснуть, потом моргнула, а когда вновь открыла глаза, была уже ночь.

И почему-то бешено колотилось сердце.

Женский крик повторился. Никогда прежде я не слышала, чтобы так орали. Бедная женщина почти не затихала. После короткой паузы, недостаточной даже для того, чтобы перевести дыхание, она вновь исторгла вопль, от которого волосы вставали дыбом.

Роды, дошло до меня. Кто-то рождает прямо сейчас.

Сестры тоже проснулись и уже выбирались наружу. Стояла безлунная ночь. Лица людей было не разглядеть. Я услышала тихий голос Таши, которая велела Старшей сестре отвести нас ниже по склону.

– Мужчины будут там же, – добавила она и, судя по звукам, ушла.

Старшая велела всем взяться за руки. Наощупь, не видя собственных ног, мы стали спускаться. Сестру окрикнули мужчины, которые толпились на узком каменном выступе. Они и помогли нам спуститься.

Шейзакс оказался среди них.

– Адан тоже здесь, – прошептал он мне.

Вместо ответа я крепче сжала его руку. Сестры устраивались у каменной стены. В крошечной темноте черный гигант повел меня к пленникам.

Мне удалось различить светлые одежды жреца, он все еще лежал без движения.

– Почему она кричит? – спросил Адан, очевидно, заслышав чье-то приближение.

От криков хотелось бежать, сломя голову, я отлично понимала его состояние. Но пришлось молчать, скрывая свое присутствие.

– Она дает жизнь, – ответил Шейзакс.

– Женщины... всегда так кричат? – он был удивлен.

Ни один Сын Бога никогда не видел и не слышал, как женщины рожают, поняла я. Более того, ни один из них даже никогда не видел новорожденного младенца. Их сыновья покидали остров и отправлялись в Сердце мира, когда им исполнялось три года. Обычные жители Нуатла видели младенцев куда чаще. После родов на острове женщина, окончательно восстановившись, и ребенок, если был здоров, возвращались к своему племени.

– Кто это с тобой? – спросил Адан Шейзакса.

Я опустила на землю рядом и попросила:

– Расскажи о Церемонии.

Адан тяжело вздохнул.

– Я не знаю, выжил ли он, Айя.

Влажный ветер хлестал холодом, но внутри меня медленно разгорался огонь, я ощущала, как горят щеки.

– Говори.

Адан молчал какое-то время, словно подбирая слова.

– Анкхарат был прав, когда говорил, что Асгейрр предал нас. После бойни на Церемонии нас уцелело четверо – Аталас, Анкхарат, я и Асгейрр.

По венам разлился жар.

– А потом?

– А потом пришли Львы. Мы сложили оружие, но гора затряслась... Аталас уверял тогда и позже, что это гневались Боги. Ему виднее. Их гнев не мешал Асгейрру творить то, что он хотел.

– Вас взяли в плен?

– Меня и Аталаса – да.

– Почему только вас?

– Стены Храма треснули. В одну из таких трещин Аталас и вытолкнул Анкхарата, когда явились Львы.

Очередная волна бросилась на гору и разбилась миллиардами брызг. На миг повисла тишина, но лишь на миг. Зашуршали отгаскиваемые потоками воды камни, забурила пенистая поверхность моря.

Я слышала тяжелое дыхание Шейзакса рядом с собой.

– Я не знаю, выжил ли он, – повторил Адан. – С тех пор Анкхарата никто не видел. Только Аталас до сих пор верит в то, что не убил, а наоборот, спас Анкхарата. Но Аталас и Богам верит.

– А ты, Сын Бога? – это спросил Шейзакс. – Как ты вырвался?

– Кадмар спас меня.

– Твои шрамы... Это Львы?

Еще одна кривая ухмылка.

– Это Асгейрр. Он не отдал меня Львам. Не позволил никому из них и пальцем меня коснуться. Он все делал сам. Точил ножи. Отрезал пальцы. Бил. И он звал меня чужим именем... Вместо меня он видел... Анкхарата. Если он разбился о скалы, то его смерть была легкой и быстрой. Ему повезло. Благодарю Богов за это, Аяя. Асгейрр не дал бы ему умереть так просто. Знаю, тебе хочется верить в обратное... Одни Боги знают, почему ты так за него держишься, но...

Следующая волна словно взорвалась изнутри, окатив нас брызгами.

– За это время Асгейрр, наверное, уже обыскал гору сверху донизу. Каждую щель, каждый проход. Если бы тело... – я не могла назвать имени. – Если бы тело было там, он бы его нашел. И тогда сломить сопротивление Речных земель было бы проще простого...

Адан помолчал.

– Что ж, может быть, Анкхарат еще жив, – нехотя согласился он.

– Зачем ты прилетел сюда, Адан? Ты не найдешь здесь солдат. Не найдешь армии. И ты знал об этом. Неужели тебе стало жаль детей, Адан?

– Ты случайно не родная сестра Таши?

– Отвечай!

– Мне не нужны дети. Мне плевать на остров. Мне нужна ты.

– Что?

– Вырвавшись из Сердца Мира, я нашел укрытие в Речных землях. В те дни солдаты Анкхарата уничтожали дикарей из племени краста, которых пригнали на их земли Львы. Краста стали щитом для Львов в первый день их нападения. Но после, когда Речные земли дали отпор, Львы бросили дикарей и ушли.

– Краста в Речных землях?...

– Были. К этому дню они, должно быть, или разбежались, или их перебили.

Значит, Асгейрр не соврал, что видел Тигра, да и пламя потом показывало мне неандертальца. Интересно, жив ли он до сих пор.

– Дальше, – велела я.

– Дальше меня встретила жрица. С ней был невероятно злобный тигр.

Это Швинн-то злобный!

– Оказалось, что Анкхарат, перед тем, как отбыть в Сердце Мира на ритуал, вбил в головы своим военачальникам, что они не должны верить ни одному из братьев, которые могут выжить после Церемонии. Кроме него самого, разумеется. Я впустую потратил несколько дней, чтобы убедить их в своей преданности. И тогда эта жрица с тигром... Зурия, кажется. Она сказала, что Анкхарат велел передать тому брату, который уцелеет и явится раньше него самого, что есть только один способ доказать свою преданность. Этот брат должен вернуть в Речные земли тебя, Айя.

Дыхание сбилось. Пламя в сердце горело в полную силу.

Это было так похоже на Анкхарата...

Он заранее предвидел, что добраться до Речных земель по охваченному войной Нуатлу будет непросто. В таком случае, конечно, проще было попросить кого-то доставить меня обратно к Зурии и Швинну.

Никто не мог знать, кто из братьев уцелеет после Церемонии. Хвала Мирозданию, что никто из предателей, примкнувших к Асгейрру, не выжил, но ведь все могло сложиться иначе. Я была лишь еще одним средством давления на Анкхарата. Потому ко мне и был приставлен Шейзакс.

– Если ты прибыл за мной, то зачем утопил остров?

– А ты бы улетела одна?

Я еще раз представила, как в небе появляется орел, и, приземлившись, добрый всадник указывает на свободное седло и говорит: садись, ты спасена!

Давайте смотреть правде в глаза.

Анкхарат предугадал, что, вероятней всего, я не оставлю женщин и детей на острове. Как наяву, я увидела его лицо, когда он, закатив глаза, спросил: «Тигра тоже берешь с собой?»

Анкхарат больше не был одним из бесчувственных Сыновей Бога, которые бросали детей на растерзание Львам. Именно так они поступили в прошлую войну, когда Львы только чудом прошли мимо острова.

Вероятно, в свое время, оставляя Зурии соответствующие инструкции, он объяснил, что, если этот неизвестный выживший брат решится доказать свою преданность, то ему придется попотеть, чтобы привести в Речные земли не только меня, но и все население острова. Потому что Анкхарат верил: иначе я не уйду. Любой предатель просто расправился бы со мной на месте и доставил бы мой труп Асгейрру, не особо церемонясь с остальными.

Прилив беженцев значительно ослаблял войска, но только так женщины и дети могли получить хоть какую-то защиту, которой не могли иметь здесь, на острове. Еще до отбытия на Церемонию, Анкхарат просчитал этот шаг. И, скорей всего, многие другие.

Адан тоже знал, что Таша, как и я, просто не сдастся, а потому действовал как истинный Сын Бога: просто лишил людей выбора. Он явно хотел сэкономить время, потраченное на переговоры в Речных землях.

Обитатели острова уцелели, но запасы, дома, продовольствие, поля – все смыло в океан. Жизнь на острове была уничтожена. Даже если вода уйдет, то понадобится куча времени, чтобы восстановить остров. А впереди зима, лес не даст урожая, а сохранных запасов – крохи.

И ему все равно не удалось сломить Ташу. Эта упрямица скорее умрет от голода на последнем клочке суши, чем поверит Адану. А с ней – ни в чем неповинные дети.

К моему удивлению, Шейзакс сказал:

– Мать Таши очень больна. Знахарка не может ей ничем помочь... Потому что все хвори лечит порошком из сушеных птичьих костей. И молитвами к звездам.

– Аталас часами глядел на звезды, – отозвался Адан, – вот только о грядущем братоубийстве они его так и не предупредили... Теперь ты знаешь правду, Айя. И, похоже, знаешь, как уговорить Ташу. Попробуй ты. Меня она все равно слушать не будет.

* * *

Крики скоро стихли. Я надеялась, что тишина объяснялась крепким сном новорожденного и его матери. Сестры вернулись в шалаш, а я осталась стоять снаружи. Ко мне скользнула тень – одна из вооруженных женщин из отряда Таши, она подошла ко мне вплотную и прошептала:

– Все кончилось. Иди спать.

– Где Таша?

– У матери.

Я двинулась вперед. Стражница не стала меня останавливать.

На фоне темной махины шалаша не сразу удалось различить две фигуры. Я замерла чуть поодаль.

– Звезды гаснут, – прозвучал хриплый голос. – Я больше не могу ничего сделать.

Ее словам вторил тихий перестук. Ожерелье из птичьих косточек, вспомнила я.

– Она так и не пришла в себя, – сказала Таша.

В ответ знахарка долго пыталась откашляться. То ли она охрипла после молитв, то ли и сама болела.

– Звезды... гаснут, – только повторила она и ушла.

– Я вижу тебя, Айя, – произнесла Таша.

Я кашлянула:

– Я слышала... Мне очень жаль.

– Адан послал тебя?

– И да, и нет. Я верю ему.

– Сыновьям Бога нельзя верить. Никогда.

– Шесть из них уже мертвы, Таша.

– Аспин тоже?

– Почему тебя волнует Аспин?

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Я знаю, что ты дочь Аталаса.

– Верно. А когда я достигла возраста для ритуала Матери, то стала его избранницей.

Я знала, что такое случается, Зурия рассказывала мне, но одно дело – знать, и совсем другое – воочию видеть отравленную ненавистью и болью женщину. В те времена Таша была совсем юной, а Аталас, вероятно, уже тогда был вдвое ее старше.

– Он знал, что ты его дочь?

– Знал. Потому меня и выбрал. Хотел, чтобы я была рядом. Так он сказал.

Нормально желание для отца, если только...

– Он касался тебя?

– Никогда.

– Аспин... – прошептала я, – он навещал избранниц Аталаса.

– Тогда это случилось впервые, – глухо ответила Таша.

Тьма определенно помогала ей выговориться. Не думаю, что она решилась бы на такую откровенность, да еще со мной, при свете дня.

– Братья опасались за честь Аталаса. Нельзя, чтобы его избранница оказалась «пустым зерном». Аталас не спорил с ними. Только отвечал: «Вы еще не познали этого. Когда-нибудь узнаете». Он уже тогда с ума сходил от наблюдений за звездным небом.

– Аталас говорил не о звездах.

– Откуда тебе знать?

Седобородый задумчивый Аталас, глядя на то, с каким воодушевлением я следила за Анкхаратом на арене, сказал: «Мне очень жаль». Тогда я не поняла этих слов, не связала ни с чем, ведь и знать не знала, кто такой Аталас и что скрывало его прошлое. А Аталас сразу заметил, что наши отношения с Анкхаратом разительно отличаются от принятых в Нуатле. И он прекрасно знал, что у таких отношений нет будущего. Возможно, никто так и не разобрался, почему однажды Аталас заинтересовался звездами сильнее, чем меняющимися раз в четыре года избранницами.

И почему потом, спустя шестнадцать лет, выбрал на арене не женщину, а девочку, в лице которой разглядел хорошо знакомые черты. Он не объяснил всего этого испуганной взбешенной девочке. Ведь таких слов как не было, так и нет в языке Нуатла.

– Аталас говорил о чувствах, которые мужчина может испытывать к женщине. Я знаю. Они схожи с теми чувствами, что мать испытывает к своим детям. Они схожи с заботой, но они крепче, сильнее. Их можно сравнить с невидимыми нитями, которые навсегда связывают два сердца и заставляют их биться. В твоём языке, Таша, нет названия этим чувствам, хотя они все-таки существуют в Нуатле... И уже давно. Ведь люди не могут иначе.

– Если твой избранник так заботился о тебе, почему ты оказалась на острове? Анкхарат знал, что Безмолвные сестры немногим лучше рабов на острове.

– Так он спас меня от Асгейрра. Я была бы мертва к этому часу, останься я в Нуатле.

– В день, когда жрецы пришли за моей матерью, она уже была больна. Она все равно хотела идти, все равно стремилась к Аталасу, несмотря ни на что.

Ведь она любила Аталаса. И, может быть, именно он послал за ней жрецов, потому что тоже по-настоящему любил эту женщину. У них был только один выход, чтобы быть вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.